

Содержание

Захар Корнилов. Священное пространство в повествованиях о монастырях: <i>Саров и Дивеево</i>	217
Ульяна Буранкова. Повесть «О Василии Великом, как крестил еврея» в составе «Сводного патерика»	233
Варвара Золотарева, Артем Трофимов. Экзотическая палеонтология XVIII века: <i>В. Н. Татищев и мамонты</i>	241
Андрей Петров. «Возобновить золотой век радостей во граде»: <i>Время в ранних трагедиях А. П. Сумарокова</i>	252
Алина Шиян. «Некомическая» комическая опера: <i>к постановке проблемы</i>	274
Максим Щавлинский. Между Н. Н. Златовратским и Г. И. Успенским: <i>раннее творчество И. А. Бунина и народническая литература</i>	298
Александр Жолковский. О трех маленьких секретах <i>знаменитой «Федры»</i> Мандельштама	316
Роман Тименчик. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: <i>Георгий Адамович</i>	346
Виктория Боденчук. Мотивы поэзии Серебряного века в рассказе пролетарского писателя Сен. Дерихина	394
Марта Капосседа. Виктор Шкловский — сценарист. <i>Предварительные заметки о сценарии «Мёртвый дом» (1932)</i>	415
Никита Косьяненко. «Ревела буря...»: <i>о некоторых лейтмотивах комедии Н. Р. Эрдмана «Самоубийца»</i>	426
Алена Кораблева. Кино в мотивной структуре лирики Алексея Цветкова	441
Эмилия Шпак. Прогностическая функция вставного текста в романах Г. Ш. Яхиной	456
Указатель имен	470
Содержание девятнадцатого тома	484

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
С. К. Коломийцева, А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2023 XIX (3–4)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2023 (3–4)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77–63498 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017486
ISSN 2587-8190 = Letná škola

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на со-
искание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по специальностям 5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
с 01.02.2022 г. и 5.9.1. Русская литература (филологические науки) с 20.12.2022 г.

Фото на обложке Екатерины Бухановой

© Авторы статей, 2023
© «Летняя школа по русской литературе», 2023

Contents

Zakhar Kornilov. Sacred Space in Stories About Monasteries: <i>Sarov and Diveevo</i>	217
Ul'iana Burankova. The Story «About Basil the Great, how he Baptized a Jew» as Part of the «Consolidated Patericon»	233
Varvara Zolotaryova, Artyom Trofimov. Exotic Paleontology of the XVIIIth Century: <i>V. N. Tatischev and Mammoths</i>	241
Andrey Petrov. «To Renew the Golden Age of Joy in the City»: <i>Time in the Early Tragedies of A. P. Sumarokov</i>	252
Alina Shiyan. «Non-Comic» Comic Opera: <i>Towards the Formulation of the Problem</i>	274
Maksim Shavlinsky. Between N. N. Zlatovratskii and G. I. Uspenskii: <i>Early Work of I. A. Bunin and the Narodnik (Peasant-oriented) Literature</i>	298
Alexander Zholkovsky. Three Minor Secrets of Mandelstam's <i>Famous "Phaedra"</i>	316
Roman Timenchik. Towards the Index of Anna Akhmatova's Notebooks: <i>Georgii Adamovich</i>	346
Victoria Bodenchuk. Motives of Poetry of the Silver Age in the Story of the Proletarian Writer Sen. Derikhin	394
Marta Capossela. Viktor Shklovsky as a Screenwriter. <i>Preliminary Notes on the Script «Mertvyj Dom» (1932)</i>	415
Nikita Kosyanenko. «The storm roared...»: <i>About Some Leitmotifs of N. R. Erdman's Comedy «Suicide»</i>	426
Alena Korableva. Cinema in the Motif Structure of Poetry by Alexei Tsvetkov	441
Emilia Shpak. The Predictive Function of the Inserted Text in the Novels of G. Sh. Yakhina	456
Index	470
Content of the volume	484

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Sophia Kolomiitseva, Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50.
E-mail: summerschool@list.ru

РОМАН ТИМЕНЧИК
(Иерусалим)

**ИЗ ИМЕННОГО УКАЗАТЕЛЯ
К «ЗАПИСНЫМ КНИЖКАМ» АХМАТОВОЙ:
*Георгий Адамович*¹**

Этот фрагмент историко-литературного комментария к рабочим блокнотам поэта освещает ее литературные взаимоотношения с членом Цеха поэтов Георгием Адамовичем.

Ключевые слова: Анна Ахматова, Георгий Адамович, Цех поэтов.

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик, профессор Еврейского университета, Иерусалим, Израиль.

E-mail: suzirom@gmail.com

**Towards the Index of
Anna Akhmatova's Notebooks:
*Georgii Adamovich***

This excerpt of series of historical and literary commentary to the poet's notebooks examines her literary relationships with a member of the Guild of Poets Georgii Viktorovich Adamovich.

Key words: Anna Akhmatova, Georgii Adamovich, The Guild of Poets.

Information about the author: Roman Timenchik, Professor (emeritus) of The Hebrew University, Jerusalem, Israel.

E-mail: suzirom@gmail.com

DOI 10.48612/sum-2023-19-3-4-396-393

Адамович Георгий Викторович (1892–1972) — поэт, критик. Фамилия вставлена в списки заграничных знакомых (С. 96) и первого Цеха поэтов: «Г. Адамович (с 1914)» (С. 447) — ср. его письмо Ю. К. Терапиано от 9 ноября

¹ Записные книжки аннотируются по изданию: Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подг. текста К. Н. Суворовой, вступ. ст. Э. Г. Герштейн, научное консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных (М., 1996). В дальнейшем в тексте: С. и номер страницы в скобках.

1959 года: «Я был в Первом цехе, куда был со всеми церемониями принят обоими синдиками, Гумилевым и Городецким, на квартире Городецкого, кажется, в 1916 году (или в 1915)» (*Адамович Г.* Письмо к Ю. К. Терапиано (1959) / Публ. Ж. Шерона // *Новый журнал.* 1988. Кн. 172–173. С. 569; печатаем с уточнениями по оригиналу: *Богомолов Н.* Из околоакмеистических россыпей // *Toronto Slavic Quarterly.* 2005. Vol. 14)¹. Со слов Г. В. Адамовича историю его инициации излагал Уильям Чалсма:

Georgii Adamovič became a member of the Guild of Poets probably in the last 'season' before the outbreak of the War. He was a young poet of 17 or 18 when he met Gumilev at the Romano-Germanic seminar in Petersburg University and, after somewhat perfunctorily admitting his general agreement with the aims of Acmeism, received an invitation to attend the next meeting of the Guild of Poets, at Sergej Gorodeckij's. Adamovič was invited in to read four or five poems, shown out of the room while a decision was made, then called back to be informed that he had been accepted as a full-fledged member of the Guild. As Adamovič and others have described it, meetings involved each member reading one or two poems followed by detailed and generally technical discussion, which was always begun by Gumilev. (*Tjalsma W.* Acmeizm, Adamovič, the Parisian Note and A. Steiger // *Toward a Definition of Acmeism. Supplementary Issue of Russian Language Journal.* East Lansing, 1975. P. 93–94. О расспросах Чалсма об акмеизме Г. Адамович сообщал Ю. Иваску 2 декабря 1965 г. (*Богомолов Н.* От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 275)).

В списке «цеховиков», составлявшемся М. Л. Лозинским (*Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Цех Поэтов // *Летняя школа по русской литературе.* 2022. Т. 18. № 2. С. 171, 177), его имени не было. В подробных автобиографических рассказах Ахматовой он

¹ Предлагаемая заметка является фрагментом авторского проекта, где комментарии к «Записным книжкам» Ахматовой сгруппированы по именным справкам в квазиэнциклопедической форме на манер словаря «Русские писатели. 1800–1917».

тоже фигурирует в составе Первого Цеха: «В этом объединении поэтов А. А. состояла несколько лет и выработала там точный вкус — так же как и Мандельштам. В нем были также Г. Адамович и Г. Иванов — А. А. была старше их лет на пять и как замужняя дама относилась к ним — мальчикам лет по 16 — с полным пренебрежением. После смерти Н. С. Гумилева они вместе с Н. Оцупом и И. Одоевцевой уехали за границу. Сейчас живы Адамович и Одоевцева. Адамович всегда относился к А. А. лучше, чем другие ученики Н. С.» (*Будыко М. И. Загадки истории: Сборник эссе. СПб., 1995. С. 372*).

Времени у Адамовича для посещения заседания в квартире Городецких почти не оставалось после того, как в апреле 1914 года синдики заморозили деятельность Цеха, а затем, — после нескольких осенних заседаний в отсутствие Гумилева и вроде бы с только один раз появившимся Городецким дома у Ахматовой 21 октября 1914 года (*Мец А. Г. Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. Издание 4-е, исправленное и дополненное. СПб., 2022. С. 82*), впрочем, никогда и не вспоминая об этом заседании, — приняла решение о закрытии Цеха, «о чем Городецкий известил Лозинского письмом от 13 января 1915 года» (*Степанов Е. Е. Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия 1886–1921: В 3 т. Т. II. 1914–1921. М., 2019. С. 25*). Вряд ли ознаменовалась сбором цеховиков встреча супругов Гумилевых с супругами Городецкими в январе 1915 года: «В 1915 году произошла попытка примирения, и мы были у Городецких на какой-то новой квартире (около мечети) и даже ночевали у них» (*Ахматова А. Автобиографическая проза // Вступ. ст., публ., подг. текста, прим. Р. Д. Тименчик // Литературное обозрение. 1998. № 5. С. 7*). Как это бывает с хронологией у мемуаристов, временная перспектива у Г. Адамовича склонна была от случая к случаю удлиняться: «В первый Цех поэтов меня приняли незадолго до его закрытия, и был я только на пяти-шести его собраниях, не больше. <...> Анна Андреевна <...> однажды даже сказала фразу, — это было после собрания Цеха у Сергея Городецкого, — меня поразившую: — Мандельштам, конечно, наш первый поэт...» (*Адамович Г. Мои встречи с Анной Ахматовой // Воздушные пути. № 5. Нью-Йорк, 1967. С. 103–104*).

М. А. Зенкевич, которого мы с Г. Г. Суперфином в 1972 году спрашивали об Адамовиче как члене Цеха, вспоминал, что на квартире Адамовича они с приехавшим с войны Гумилевым участвовали в заседании Цеха, «кажется, в 1915» — вероятно, это воспоминание о первом заседании Второго Цеха, устроенного Г. Адамовичем и Г. Ивановым в 1916 году (на заседаниях которого Ахматова достоверно появилась один раз).

Фактографическая зыбкость истории членства привела Ирину Одоевцеву к скептической оценке задекларированной принадлежности к избранному сообществу:

Ахматова по недоразумению в «Первый цех» поместила и Адамовича, но он там никогда не состоял. Будучи в Париже проездом в 1965 году, Анна Андреевна встретилась с Адамовичем и все с ним вспоминала про «Первый цех», а на самом деле она Адамовича спутала с Г. Ивановым, который в их молодости, когда она была женой Гумилева, одно время всюду ее сопровождал: на вернисажи, вечера... Перепутать было немудрено, так как Г. Иванов и Г. Адамович — два Жоржика, два поэта-эстета были в молодости неразлучны. Адамович же не только не признавался в этом, а еще и рассказывал в Париже что-то об Ахматовой и о «Первом цехе». Он знал, что известно об этом только мне и что я его не выдам. (*Одоевцева И.* Ожившие голоса. Беседа вела А. Колоницкая // Вопросы литературы. 1988. № 12. С. 113)

У Одоевцевой имелись основания для скепсиса — за Адамовичем числилось несколько удавшихся мистификаций, например лжемемуар о суаре у Иннокентия Анненского в 1909 году, куда сочинитель гостеприимно допустил и Анну Горенко (*Г. А.* [Адамович Г.] Вечер у Анненского. Отрывок // Числа. Кн. 4. 1930–1931. С. 214–216), доверчиво размножавшийся компиляторами (*Крейд В.* Николай Гумилёв в воспоминаниях современников. Париж-Нью-Йорк-Дюссельдорф, 1989. С. 142–144; *Лукницкая В.* Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С. 77–79) и на который положился серьезный историк литературы (*Setchkarev V.* Studies in the Life and Work of Innokentij Annenskij. Hague, 1963. P. 41), а также фиктивный дневник

синтезированного петроградского литератора (*Адамович Г. Рукопись // Последние новости. 1934. 26 июля; Адамович Г. Рукопись. II // Последние новости. Париж. 1934. 20 декабря*).

Присутствие юного поэта в Первом цехе до известной степени вытекает из печатной фиксации С. Городецкого:

Г. Адамович в своих «Облаках» <...>: «Вот так всегда, — скучаю и смотрю». «Мне утешений нет. И я не болен». (Конечно, болен неврастений). «Не знал и не верил в Бога». «И знаю — это конец». «Ах, это ли жизнь молодая!». «Мы так устали от слов и дела, и, правда, остался только страх». «Все прошло»...

А сколько лет ему? Пожалуй, больше пятнадцати, так что кричать: «Эй, розог!» уже поздно, но, наверно, не больше двадцати. И в первом расцвете этот юноша дает такие песни! Если г. Лозинский свою «Нет» прикрывает пышными одеждами образов, то г. Адамович ничуть не стесняется своей скудости, памятуя пословицу, что на нет и суда нет. Так ни с чем и ходит. А стихи делать и он мастер. Только не на чем мастерство свое показать ему. Оба эти поэта прошли школу поэзии в «цехе поэтов». И талант, и умение у них есть, а в результате — ноль, стихи для себя» (*Городецкий С. Поэзия для себя // Лукоморье. 1916. № 6. С. 15. Ср. — «молодой акмеист Адамович» (Городецкий С. Салон поэтов. // Кавказское слово. Тбилиси. 1918. 23 ноября); и сам он писал: «...нас, петербургских акмеистов и полу-акмеистов (Адамович Г. Бунин: воспоминания // Новый журнал. 1971. № 105. С. 116)*).

Но отмеченный в дневнике М. А. Кузмина 12 февраля 1914 года журфикс на квартире матери Г. В. Адамовича Елизаветы Семёновны (ур. Вейнберг): «Там было не так скучно. Был Гумми, Ив<нев? анов Г.??>, Мандельштам <?>, Каннегисер, <Н. К.> Бальмонт» (*Кузмин М. А. Дневник 1908–1915 / Подг. текста и комм. Н. А. Богомолов и С. В. Шумихин. СПб., 2005. С. 432, 748*) — по-видимому, не обозначает заседания Цеха, как предположено в биохронике Гумилева (*Степанов Е. Е. Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия 1886–1921: В 3 т. Т. II. 1914–1921. М., 2019. С. 25; Степанов Е. Е. Там же. Т. III. Дополнения. Указатели. Летопись жизни в иллюстрациях. М., 2020. С. 176*).

В пространство поэтического мира Ахматовой еще не печатавшийся поэт Георгий (Юрий) Адамович вошел мадригалом в ее альбоме, проданном владелицей Литературному музею и снова увиденном ею после 30-летнего перерыва, при посещении 14 января 1964 года Центрального государственного архива литературы и искусства:

В Архиве мой альбом. Там стихи Адамовича, Мочульского, Радлова, кот<орые> я совершенно забыла (сатанизм) (я читаю стихи в «Брод<ячей> собаке»). Странно сопоставить их с его «causerie» от 16 <sic!> дек<абря> 1963 г.

Восстанавливаю по памяти Г. Адамовича.

По утрам свободный и верный
Колдовства ненавижу твои,
Голубую от дыма таверну
И мучительные [огни] стихи.
Вот пришла, взошла на эстраду,
Незнакомые пела слова,
И у всех от [горького] мутного яду
Отуманилась голова.
Словно мы, изнуренные скукой,
Задыхаясь в пыли,
На тупую и стыдную муку
Богородицу привели.

1914. С. П. Б. (С. 424) (Напечатано впервые: *Богомоллов Н.* «Таким я вижу облик Ваш и взгляд» // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 39; *Ахматова А.* Поэма без героя. М., 1989. С. 136)

Фактически публикационный дебют стихотворца состоялся в 1914 году «сатанинскими стихами» в ахматовском альбоме. Тогда же по просьбе Н. В. Недоброво — в «Собаке», по уверению Ахматовой, никогда не бывавшего (*Будыко М. И.* Загадки истории: Сборник эссе. СПб., 1995. С. 368, 375), — Адамович послал это стихотворение также и ему:

Многоуважаемый Николай Владимирович, С удовольствием выполняю Ваше желание и посылаю стихи об Анне Андреевне. Искренне Вам преданный Г. Адамович.

По утрам свободный и верный
Колдовства ненавижу твои,
Голубую от дыма таверну
И томительные стихи.
Вот пришла, вошла на эстраду,
Незнакомые пела слова,
И у всех от мутного яда
Отуманилась голова.
Будто мы, изнуренные скукой,
Задохнувшись в дымной пыли,
На тупую и стыдную муку
Богородицу привели

(ИРЛИ. Ф. 408. А. Кареева. № 2. Л. 1)

Предположительно, пожелание могло быть высказано на званом обеде:

1914. 2-я половина марта. У Гумилевых в Царском Селе был обед. Присутствовали М. Л. Лозинский, Н. В. Недоброво с женой, Г. В. и Т. В. Адамовичи, В. А. Чудовский с женой, О. Э. Мандельштам и др. [Источник сведений:] А. А. Ахматова, О. Э. Мандельштам (*Лукницкий П. Н. Труды и дни Н. С. Гумилева*. СПб., 2010. С. 357);

возможно, к этой дате относится припомнившееся Адамовичу:

В первый раз я был у них в Царском Селе, у нее на коленях сидел ее сын Лев Николаевич Гумилев, ему было тогда года три. Его кто-то, очевидно, научил фразе, которую, конечно, он не понимал — «папа форматворец, а мама истеричка», и эту фразу он повторял при общем хохоте (*Франк В. Беседа с Георгием Адамовичем // Русская мысль*. 1980. 24 апреля),

Ахматова же предпочитала рассказывать о другом визите:

Пришли два эстета: Георгий Иванов и Георгий Адамович. Лева слушал их, слушал и вдруг спросил: «Где вы живете, дураки?» — «Няня, возьмите ребенка на руки» (*Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой*. Т. 2. 1952–1962. М., 1997. С. 229).

В артистическом подвале Г. Адамович был завсегдаем, в этом качестве он попал в прозу Ларисы Рейснер, послужив моделью «маленьких, с расчесанными проборами, оттопыренными ушами и мордочками по-человечески испорченных ночных зверушек» (*Рейснер Л.* Автобиографический роман // Литературное наследство. Т. 93. М., 1983. С. 206), продолжал там встречаться с Ахматовой — см., например анонс «Вечера поэтов Петроградского Парнаса» 21 ноября 1914 года (*Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 237) — и в 1915 году с ее именем на устах вышел в печать:

Если наших поэтов еще не разлюбили, то им уже, конечно, перестали верить. Слишком очевидно, что «испытания огнем» они не выдержали и что тон нововременских статей в поэзии не есть слияние с народом, но слабовольная и небескорыстная уступка его мнимым требованиям. Русская поэзия не погибнет, конечно, в наводнении злободневных стихов, лживых и глуповатых, но сейчас она в нем тонет.

Тем сильнее радость, которую принес последний номер «Аполлона». В журнале этом, несколько месяцев назад выпустившем целый фейерверк военных вдохновений, теперь помещена новая поэма Анны Ахматовой — «У самого моря».

Может быть, нет в России сейчас поэта, имя которого было бы окружено такой нежностью и сочувствием, как имя Ахматовой. Это — успех не случайный. У Ахматовой есть все данные стать «любимицей публики», и только глубокое и верное чутье спасает ее. Поэзии чисто эмоциональной всегда обеспечен широкий успех, а на этом пути Ахматова сейчас стоит впереди всех. М. Кузмин сравнил ее с александрийскими эстетами, которые представляли себе каждый день и каждый час предсмертным.

Это было еще в предисловии к «Вечеру», но, как подлинно обреченная, Ахматова и любит, и тоскует все безнадежнее и острее. Кто же поверит тому, что «я — очень спокойная»?

В этом отношении Ахматова действительно — современный лирик.

Есть сейчас целый ряд поэтов, которые, желая «уловить лик современности», первым условием достижения этой почтенной цели считают воспевание трамваев и (это

уже — закон) аэропланов. Эти молодые люди напрасно думают, что их вдохновения оценят те, к кому они взывают: авиаторы, инженеры, телефонные барышни, вагоновожатые. Авиаторам если и понравятся стихи, то уж, конечно, об увядших розах и разбитых грезах. А тем, кто, не отставая от инженеров и техников, идут в другом плане жизни, кто и видит, и знает, и помнит вещи более удивительные, чем аэропланы, — разве им надо вечно напоминать о «грохоте проспектов» и пулеметах?

Поэт блоко-лермонтовского стиля, Ахматова ничего не «описывает». Вспомнит иногда, какое было море, как улыбнулся мальчик, но все мимоходом, коротко и растерянно. Теперь уже ясно, что она совсем — не «вещелюб», ей и вещи, и вся земля дороги только как обстановка, как память. И неудивительно, что ее — и еще одного, Блока — совершенно не тронул эстетический экзотизм, создание поэтов «зрительного» типа, близких романскому духу. Нельзя представить себе Ахматову занимающейся писанием триолетов или газелл, и разве это все — не то же самое? Ахматова — мастер, откуда мастерство ее ей покорно, но служить ему она не хочет. Не будем себя обманывать. Ни Блок, ни Ахматова в словесности — не «путь» и не школа. Их нельзя «продолжать», не обворовывая и не подражая им. Последователь Брюсова, например, свободен, но нельзя быть «учеником Блока» и не говорить о व्यюгах или нищей России. Воры-поклонники уже наполовину заслонили прекрасный облик поэта, — может быть, то же ждет и Ахматову?

«У самого моря» — торжество ее таланта. Сохранив прежний стиль, прежние слова, она доводит свой трепещущий лиризм до крайнего напряжения. Нельзя противиться очарованию этих строк:

Бухты изрезали низкий берег,
Все паруса убежали в море...

Простая история о невернувшемся «царевиче» рассказана Ахматовой с такой тревогой, с такой любовью и мудростью, какие возможны только у поэтов, нашедших «свое». Ее не смутили рассуждения о том, что теперь «пора уже вернуться к фавуле», — она знает цену завязкам и развязкам и не ее упрекать в недостатке примитивной изобретательности.

С тактом настоящего поэта она нашла тему простую и трагическую и всем «истинным» темам на земле родственную.

Самый стих Ахматовой, ранее страдавший несколько обманчивой певучестью, окреп и приобрел гибкую силу. Поэт будто захлебывается своим голосом, — и только «Мцыри» можно по верности мелодической линии и «дыханию» сравнить с новой поэмой. Знатоки стихосложения найдут вообще много интересного в ее ритмике, чрезвычайно органической и неразложимой, едва ли сознанный самим поэтом. Менее, вероятно, будут они увлечены не всегда убедительными образами поэмы.

Читая «У самого моря», приходишь к слегка смущающему заключению: поэма, конечно, всем понравится. Это — странное и как будто опасное свойство таланта Ахматовой. Но нельзя ошибаться, — быстрое признание не всегда есть диплом на посредственность. Ведь существуют плоскости творчества, где нет и не может быть споров. Через сто лет «У самого моря» прочтут с тем же волнением, что и теперь. И разве какие-нибудь догадки и соображения могут заставить нас сомневаться в том, что Ахматова — большой и прекрасный поэт. (Адамович Г. «У самого моря» // Голос жизни. 1915. № 19. С. 6)

Эхом «цеховых» разговоров может быть фраза: «Нельзя представить себе Ахматову занимающейся писанием триолетов или газелл». Ср. у Игоря Северянина в «Рояле Леандра»:

Уж возникает «Цех поэтов»
(Куда бездари как не в «цех»!)
Где учат этих, учат тех,
Что можно жить без триолетов
И без рондо и без... стихов

(*Superfin G., Timenčik R. À propos de deux lettres de A. A. Ahmatova à V. Brjusov // Cahiers du Monde russe et soviétique. Paris, 1974. Vol. 15. № 1–2. P. 188).*)

Одно из его первых выступлений со стихами в периодике снабжено посвящением Ахматовой, как можно предположить, под впечатлением от увиденного альбома, куда до того было вписано посвящение Михаила Лозинского «Не забывшая» («Воскресшая») с финалом «Я уношу от безутешных волн замученную голову Орфея», присоединяя таким образом адресатку во второй раз к «орфееву мифу»:

Так беспощаден вечный договор!
И птицы, и леса остались дики,
Но слезы — слезы не туманят взор
И непорочен образ Эвридики.

Так дни любви обещанной прошли!
Проходят дни и темного забвенья.
Уже вакханок слышится вдали
Тяжелое и радостное пенье.

И верности пред смертью не тая,
Покинутый, и раненый, и пленный,
Я вижу Елисейские поля,
Смущенные душою неблаженной

(Новый журнал для всех. 1915. № 8. С. 4; *Адамович Г.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., сост., подг. текста и прим. О. А. Коростелева. СПб., 2005. С. 102, 346).

Стилистика раннего Адамовича напоминала читателям ахматовскую: «...порой встречаешь перепевы строчек Ахматовой» (*Гумилев Н.* Письмо о русской поэзии // *Аполлон.* 1916. № 1. С. 27); «У Адамовича должно еще выявиться свое лицо, а пока он слишком подчинен Ахматовой и Анненскому» (*Оксенов И.* [Рец. на кн.:] Г. Адамович. Облака. Стихи. «Гиперборей». П., 1916 // *Новый журнал для всех.* 1916. № 2–3. С. 74); «учителями его, по преимуществу, должны считаться Кузмин, И. Анненский и Ахматова», «Непохожий на Ахматову по основному душевному тону, Адамович может развиваться в самостоятельного и своеобразного представителя нового направления» (*Жирмунский В.* [Рец. на кн.:] Г. Адамович. Облака. Стихи // *Биржевые ведомости.* 1916. 14 октября); «...влияние А. Ахматовой, а через нее — Иннокентия Анненского и — дальше — Верлена» (*Ходасевич В.* [Рец. на кн.:] Г. Адамович. Облака. Стихи // *Утро России.* 1916. 5 марта); «...слышится то Блок, то Белый, то Ахматова» (*Липскеров К.* [Рец. на кн.:] Г. Адамович. Облака. Стихи // *Русские ведомости.* 1916. 10 августа); «Не раз было говорено, что у Ахматовой много подражательниц среди поэтесс, гораздо тоньше, но и сильнее подражает Ахматовой Адамович. Строчение стихотворений, темы и особенно интонации, которыми

Ахматова так богата, поразительно точно переняты им, но часто звучат искусственно» (*Ивелич* [Берберова Н. Н.] Рец. на кн. Цех поэтов. Кн. 4. Берлин, 1923 // *Современные записки*. 1924 . № 19. С. 432).

Г. Адамович держал в памяти ахматовский корпус досконально и неоднократно подмечал ретрансляцию фрагментов ее текстов, как у Георгия Иванова или у Осипа Мандельштама:

Над закатами и розами —
Остальное все равно
Над торжественными звездами
Наше счастье зажжено...

— любопытный случай реминисценции из Ахматовой — бессознательной, вероятно:

Только бы с тобою не расстаться, —
Остальное все равно

(*Адамович Г.* Рец. на кн.: *Современные записки*. Кн. 45 // *Последние новости*. 1930. 27 ноября; из стих. «Ты всегда таинственный и новый»);

Но зодчий не был итальянец,
а русский в Риме. Ну так что ж?

Мне это «ну так что ж!» всегда казалось чрезвычайно странным. Но объяснить его происхождение легко. У Анны Ахматовой есть стихи «Канатная плясунья», которые Мандельштам много раз слышал, и конечно, знает наизусть. Стихотворение начинается так: Меня покинул в полнолуние мой друг любимый. Ну так что ж! Произнеся «а русский в Риме», Мандельштам, вероятно, вспомнил по созвучию «друг любимый» и, остановившись, оборвав стих на половине, добавил бессознательно как «реминисценцию»: ...Ну, так что ж! (*Лэнгс* [Г. В. Адамович]. Про все // *Новая Заря*. Сан-Франциско, 1933. 8 июля)

Показателен случай, когда Г. Адамович подбирает пример из Ахматовой, который не удалось при сплошном просмотре выловить комментатору: «Но ради Бога, приведите в порядок две последние рифмы: “ах” и “ов”. Это не ассонанс, а небрежность, особенно в заключении как у Ахматовой где-то:

любезным и железных» (*Богомолов Н. А. Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / под ред. Л. М. Суриса. М.; Берлин, 2016. С. 225; это — пример из стих. «Соблазна не было. Соблазн в тиши живет»: «А сим распутникам, сим грешницам любезным / Неведомо объятье рук железных»*).

Поэтические открытия Ахматовой в интерпретации Г. В. Адамовича наложили печать на стилистику А. Штейгера и Л. Червинской (*Налегач Н. В. Анна Ахматова и «парижская нота»: к вопросу о поэтическом влиянии / Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 24–35*), вероятно, поэтому можно видеть близость к «парижской ноте» в стихотворениях «Реквиема» (или таких, как «Мы с тобой на кухне посидим» или «Жил Александр Герцевич») — «movingly human “minor” poems written by the two greatest modern poets of the Petersburg tradition» (*Tjalsma W. Acmeism, Adamovič, the Parisian Note and A. Steiger // Toward a Definition of Acmeism. Supplementary Issue of Russian Language Journal. East Lansing, 1975. P. 103*).

В роли литературного союзника Ахматовой Георгий Адамович выступил по появлении статьи Корнея Чуковского «Ахматова и Маяковский»:

Чуковский — российский Реми-де-Гурмон. Прочтем же, что написал он о двух популярнейших наших поэтах.

Ахматова — влюбленная монахиня. Эту единственную свою мысль о ней Чуковский повторяет на все лады и подтверждает бесчисленными цитатами. Но всякий читатель журнала «Дома Искусств», вероятно, раньше того уже прочел «Белую стаю» и общие черты индивидуальности Ахматовой знает. В статье Чуковского нет ни одного слова о том, каким же именно способом достигает Ахматова того, что ее монастырские песни запоминаются. Это было бы много интереснее.

Ахматову Чуковский хвалит за ее связь с землей или почвенность, как выражались у нас недавно. Чуковского «больно укололи два ее александрийские стиха» и ему показалось, что «эти парижские интонации и жесты она, в своем тверском уединении могла бы предоставить другим». Эти слова — целая программа. Неужели не понимает наш

знаменитый критик, что парижские интонации есть именно то, без чего Ахматова перестала бы быть поэтом, что это пренебрежение и глухота к «Парижу» на три четверти погубило Блока и всю русскую поэзию, что парижские интонации есть просто высокая сознательность поэта, не желающего превратиться в соловья, и что вообще давно пора бы оставить в заслуженном ими покое кости Буало. Этот Париж есть те дрожжи, без которых русское тесто не взойдет, а прокиснет.

Мне хотелось бы извиниться перед читателем за эти прописи, если бы не вызвало их запоздалое славянофильство Чуковского (*Адамович Г. Ахматова и Маяковский. Цех Поэтов. Кн. 3. Пг., 1922. С. 64–65*).

Той же весной 1922 года подарен его второй сборник «Чистилище» (Стихи. Кн. 2. Пг., 1922): «Анне Андреевне Ахматовой давно и навсегда ей преданный Г. Адамович» (*Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966 / Сост., подг. текста, вступ. ст., комм. Черных В. А. Изд. 3-е. М., 2016. С. 188*); «А. А. больше других нравится стихотворение Адамовича о графине Дюбарри в “Чистилище”» (*Будыко М. И. Загадки истории. С. 376*) — стихотворение 1918 года построено на реминисценции из романа Достоевского «Идиот» и на интонациях Цветаевой, восхищавшей тогда Г. Адамовича:

«Еще, еще минуточку,
Повремени, палач!»
Поймали в сети уточку,
Не вырвешься, — хоть плачь.
Шумит толпа веселая,
Сияют небеса.
Стальная и тяжелая
Над головой коса.
Три быстрых взмаха молота,
Минута... Отче наш!
Что счастье, слава? Золото, —
И купишь, и продашь.
Но за пустой околицей,
На чердаке, в глуши,
Чиновник пьяный молится
За упокой души.

Семи царей возлюбленной, —
 Не помогли цари! —
 Семью грехами сгубленной
 Графини Дюбарри

(Адамович Г. Полное собрание стихотворений. С. 354).

Той же весной Ахматова заподозрила поэтов из предсмертной свиты Гумилева в своего рода антиахматовском заговоре: «А вот Георгий Иванов и Оцуп уже в то время <...> думали, что мое место пусто, и решили передать его И. Одоевцевой. Что они начали еще до отъезда — см. рецензию Иванова о “Подорожн<ике>” (“Дом искусства”, № 2) и Оцупа (в сборн<ике> Цеха поэтов, № ..., стр. ...), а также Адамовича *She is finished* (стр. ...) об Одоевцевой» (С. 145, 147) — подразумевая отзыв на «Двор чудес»: «По своей впечатлительности и несовершенному еще уменью, она может иногда повторить интонацию Ахматовой, но лишь очень поверхностно эту интонацию схватывая и всегда в слабейших своих стихотворениях. Там, где она становится сама собой, к ней приходят беседовать не человек — друг или любовник, а луна, летучая мышь и чорт. Это очень ново, очень непонятно и очень пленительно» (Адамович Г. [Рец. на кн:] Одоевцева И. Двор чудес. Пг., 1922 // Цех поэтов. Кн. 3. Пг., 1922. С. 57–58; см. подробнее: Тименчик Р. Из «Именного указателя» к «Записным книжкам» Ахматовой // *Memento vivere*: Сб. памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 542–544). Правда, Ахматова оговаривала, что «позднейшие» друзья Гумилева — «Г. Иванов, Оцуп (“...не Адамович — он все-таки другой человек!”) — эти с ложью» (Лукницкий П. Н. *Asimiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2. 1926–1927 гг., М.; Париж, 1997. С. 26).

Но в составленных в 1964 году для польского критика Северина Поляка двух списках критиков и мемуаристов, в первом — тех, кем не надо пользоваться при писании об Ахматовой (Сергей Маковский, Леонид Страховский, Георгий Иванов, Бенедикт Лившиц, Е. Ю. Кузьмина-Караваева, Роберт Пейн, Уильям Харкинс, Владимир Познер, Дан Ди Сарра, Вера Неведомская, Анна Фрейганг-Гумилева), а во втором — тех, кого надо слушать (предисловие Михаила Кузьмина

к «Вечеру», отзыв Владислава Ходасевича о «Четках», два отклика Осипа Мандельштама, статья Жана Бло 1963 года, предисловия Бруно Карневали и Этторе Ло Гатто к итальянским сборникам, рецензия Пьетро Цветеремича, отзывы Франклина Рива, Арсения Тарковского, Анатолия Наймана, Бориса Зайцева, Эрика Местертонна), краткая характеристика пера Г. Адамовича помещена во второй список — «Адамович (об «Anno <Domini>»)» (С. 473): «Отличные, насквозь аскетичные, горькие стихи Ахматовой неизменно разочаровывают ее прежних поклонников, в том числе и Брюсова» (*Адамович Г. Русская поэзия // Жизнь искусства. 1923. № 2 (876). С. 4*).

Несколько месяцев спустя, перебравшись из Петрограда в Париж, Г. Адамович повторил высокую оценку в изысканном еженедельнике «Звено»:

С Ахматовой происходит «обыкновенная история». Она с каждым днем теряет свою популярность, — вернее, она делается все известнее, но в ее слове нет былого очарования и былой остроты. Это тоже удел поэта, — и пушкинский удел. В Ахматовой любишь не ее голос, — напряженный, трудный, сухой, — а ее манеру. Теперь нет больше «перчаток с левой руки» и поклонники разочарованы. Есть, впрочем, для их утешения несметное количество девиц, подобравших эти ахматовские обноски (*Адамович Г. Поэты в Петербурге // Звено. 1923. 10 сентября*).

На страницах «Звена», где он вел обзоры новинок, Г. Адамович несколько раз восстанавливал неизбежно угасшее литературное реноме Ахматовой:

В России, по Кесселю, талантам нет числа. Творчество бьет ключом, искусство цветет и блещет. Новые дали, новые горизонты, новые темы, новые приемы. Кессель перечисляет имена «наиболее заметных» русских поэтов: Маяковский, Пастернак, Есенин, Цветаева, Асеев, Мандельштам, Казин, Кусиков. Причудливый список! Если даже считать, что значительность поэта измеряется тем, отразилась ли в его творчестве революция или нет, — мерило, конечно, чудовищно грубое и неприемлемое! — то ведь никак уж нельзя признать обязательным сочувствие революции, созвучие ей, положительность отношения к ней. Кессель не

называет, будто их и нет, ни Сологуба, ни Ахматовой, двух прекраснейших русских поэтов. Пропуск Сологуба еще простителен: Сологуб стар и утомлен, он не пишет, он только «дописывает», хоть иногда еще с божественной ясностью. Но Ахматова после 1917 года написала лучшие свои стихи. Беда, оказывается, только в том, что ей совершенно безразлично, современна она или нет, что она пишет по-своему и в нашей литературе сейчас очень одинока (*Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1925. 5 октября*).

К Ахматовой, постепенно все больше исчезающей из поля зрения читателей, Адамович неукоснительно возвращается в своих обзорах и заметках:

Конечно, шириной, размахом, диапазоном голоса Цветаева значительно превосходит Анну Ахматову. Если же мы, не задумываясь, отдадим «пальму первенства» Ахматовой, то только потому, что стихи — не песня и поэзия все-таки не музыка (*Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1925. 20 июля*).

Муж ее, покойный Гумилев, долго на ее счет ошибался, хотя вообще-то он разбирался в «молодых талантах», как никто другой. Но стихи Ахматовой он на первых порах терпеть не мог. Он уходил из комнаты, лишь только она принималась читать их, сердился, иронизировал. Позднее, Гумилев переменил мнение. Однажды мне пришлось даже не без удивления слышать, как он назвал Ахматову «гениальной». Гениальна она или не гениальна, все равно... Но что Ахматова своеобразнейший, одареннейший поэт, — в этом нельзя сомневаться. Вот уже десять лет, как Ахматова умолкла. Пишет ли она что-нибудь — неизвестно. Вероятно, пишет. Но печататься ей нигде. Она «империалистка», в лучшем случае «мелкобуржуазная истеричка». Редакторы советских журналов предпочитают помещать плоды вдохновения Михаила Голодного и Ивана Приблудного (*Адамович Г. Литературная неделя // Иллюстрированная Россия. 1930. № 30. С. 22*).

Некрасов одержим ритмом, как никто, — а вне его сразу падает, становится «своей тенью», как отчасти и Блок. Из современных русских поэтов такова Анна Ахматова. Подчеркивая при этом, что Ахматову едва ли кто-нибудь назовет

наиболее значительным явлением в теперешней русской словесности, как, наверно, никто не скажет и о Некрасове, что это величайший русский писатель. Стихотворная «одержимость» вовсе не есть признак гениальности. Это свойство, особенность, не более, — и настоящее литературное величие все реже и реже этим свойством сопровождается (Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1931. 2 апреля).

Некто, приехавший из Москвы, рассказывает, что «советская общественность» забавляется посвящением различных пьес текущего репертуара той или иной высокой особе:

Ленину, например, — «Горе от ума».

Сталину — «Не в свои сани не садись».

Демьяну Бедному — «Не все коту масленица».

Максиму Горькому — «Доходное место»...

Тот же советский гость рассказывает, что не так давно в некоторых издательствах были сделаны попытки переиздания стихов Анны Ахматовой.

На них будто бы не прекращается спрос.

Но попытки так и остались попытками. В «сферах» затея встретила суровое и решительное осуждение. Она была квалифицирована как «стремление провести буржуазную отраву в массы».

Издательства предложили выпустить Ахматовские стихи с предисловием какого-либо «авторитетного товарища», где было бы разъяснено, почему Ахматову читать вредно... Но и эта уловка не помогла.

Времена «зауми» и «дыр, буль, Щура» как будто прошли. Но «Литературная Газета» хочет к ним вернуться.

Для широкого массового чтения помещены в последнем номере газеты стихи украинского поэта Павла Тычины.

Догоняем их, перегоняем.
Как коня пусть ветра свистят навстрочу.
Чугунный рост мы на заре
Растем как ж[о]лудь туго все же!
Смотри, как дерзок смех!
Где склонялась ива в чистом поле,
Там теперь паровозное депо.
Проходит поезд через по.

Летят историю исторят.
И вчера еще рабы
Сегодня путь эпохи торят
Диалектику борьбы.

Это, конечно, не Ахматова. Это, надо полагать, здоровая, строго пролетарская духовная пища, идеологически выдержанная и определенно зовущая к строительству. (*Сизиф* [Адамович Г.] Отклики // Последние новости. 1932. 15 декабря).

Интересны «психологические» картины — целые сцены или даже драмы в четырех-шести строках:

Меня дернул за рукав,
Мой миленочек лукав,
А я — лукавее его —
Не взглянула на него.
— —
Милый ехал от венца,
Я стояла у крыльца,
Милый шапочки не скинул,
А я поклонилась.
Молода его жена
Только покосилась.

Право, можно подумать, что сложила эти стихи женщина, начитавшаяся Ахматовой. Те же приемы: о страстях ни слова, только внешние подробности, вроде ахматовской знаменитой «перчатки с левой руки». Я поклонилась, он не ответил, молодая жена покосилась — все понятно, болтовня о «переживаниях» лишь ослабила бы впечатление. (*Адамович Г.* Частушка // Последние новости. 1936. 1 октября)

Наконец, 18 января 1934 года в «Последних новостях» помещена большая статья Адамовича «Анна Ахматова» (См. перепечатку ее в кн.: Анна Ахматова. Pro et contra. Антология. Т. I / Сост. Св. Коваленко. СПб., 2001. С. 730–735). Оценка ахматовского мастерства как всякого «мастерства» и «хорошо сделанного» у Адамовича располагалась в той зоне метафизического беспокойства его эстетической программы, о которой писал В. Вейдле: «...сомнения насчет того, а не праведней ли все-таки музыка для всех, чем Бах или поздние квартеты Бетховена для немногих, не лучше ли всем наслаждаться

Щепкиной-Куперник, чем только четверти этих всех любить Ахматову. Примеры не его, но смысл тот самый» (*Вейдле В. В.* Россия. Революция. Религия // Русская литература. 1996. № 1. С. 86). Но именно «хорошо сделанное» пробивало стену апологии предельной простоты: «Будто иголки некоторые ее строчки входили в сознание, ранили его, оставляя болезненный след. Так было полвека тому назад, когда она писала: Я очень спокойная... только не надо / Со мною о нем говорить» (*Адамович Г.* Памяти Анны Ахматовой // Русская мысль. 1966. 12 марта). Его преданность «ахматовским иголкам» заставляет подправить аттестацию, данную в озабоченном объективизме справочнике: «Его критика импрессионистична, он не имел никакого понятия о филологическом анализе» (*Казак В.* Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. Пер. с нем. Е. Варгафтик и И. Бурихин. Лондон. 1988. С. 23) — он умел отрефлексировать и точно указать вспышки читательского переживания стиховой фактуры, чему научился у членов Цеха поэтов, например, слушая восторги Мандельштама перед ахматовскими строками:

Когда о горькой гибели моей
Весть поздняя его коснется слуха...

«Он ходил взад и вперед, то и дело закидывал голову и все нараспев повторял эти строчки, особенно восхищаясь расстановкой слов, спондеической тяжестью словосочетания “весть поздняя”...» (*Адамович Г.* Несколько слов о Мандельштаме. С. 101); а еще ранее его внимание в эту сторону направила игра дольников «Вечера»:

С первых ее строк, попавшихся мне на глаза, с обращения к ветру:

Я была, как и ты, свободной.
Но я слишком хотела жить.
Видишь, ветер, мой труп холодный,
И некому руки сложить...

— с этого ритмического перебоя «и некому руки сложить» я был очарован и, как тогда любили выражаться, «пронзен» ее стихами... (*Адамович Г.* Мои встречи с Анной Ахматовой // Воздушные пути. № 5. Нью-Йорк, 1967. С. 100)

В ахматовиану Г. Адамовича входит и одна из его мистификаций — эпиграмма якобы Маяковского, опубликованная якобы литературоведом «С. Куприяновым» — «Критические шаржи Маяковского. Восемь лет со дня смерти Маяковского».

С. Куприянов нашел «у одной из восторженных и самозабвенных поклонниц поэта» альбом, на страницах которого Маяковским даны полусутоливые, полусерьезные эпитафии «собратьям — конфрерам». Относятся эти записи к 1918 году. Вот некоторые:

Брюсов. Трудись, кол, трудись. Но не обкрадывай Пушкина.

Северянин. Пела, пела пташечка — и умолкла. А никто не заметил, что умолкла.

Блок. По совести, очень вас уважаю, Александр Александрович. Не будем дуться. Вы да я.

Ахматова. Нежна, грустна, стройна, бледна, она, жена (Г. А. [Адамович Г.] Литература в СССР // Последние новости. 1938. 28 апреля; Критические шаржи Маяковского // Новое русское слово. 1938. 5 мая; *Тименчик Р.* Ангелы. Люди. Вещи: В ореоле стихов и друзей, М.; Иерусалим, 2016. С. 144, 148; Ср. о другой его шпильке: «А<дамович>: Писал эпиграммы — может быть, и злые, но так было принято в наших кругах: “Анна Ахматова / В ней искорка была таланта небогатого, / Ах, не ярка она, ах, матова”» (*Иваск Ю.* Разговоры с Адамовичем // Новый журнал. № 134. 1979. С. 99)).

Весной 1923 года Г. В. Адамович спешно исчез из Петрограда, оставив в городе шлейф пересудов и подозрений, дошедших и до Ахматовой — 20 декабря 1924 года они с П. Н. Лукницким «говорили об Адамовиче и о том тяжком преступлении, в котором его подозревают. АА привела в пример «Дуэль и смерть Пушкина» [П. Е. Щеголева. — *Р. Т.*] для доказательства того, что самые, казалось бы, достоверные факты иногда оказываются искаженными» (*Лукницкий П. Н.* Асиmiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. 1924–1925 гг. Париж, 1991. С. 13; см.: *Иванов Г.* Дело Почтамтской улицы / Публ. и комм. Г. Поляка // Королевский журнал. Нью-Йорк, 1996. Пилотный номер. С. 26; То же // Митин журнал. 1997. № 55. С. 212–218; *Арьев А.* «Когда замрут отчаянье и злоба...» // Звезда. 2008. № 8. С. 55–82). Память о его имени

в литературном Ленинграде в те годы, когда для Ахматовой постепенно наступали «дни темного забвенья», еще теплилась: «К акмеистам на их поэтическом пути примкнула большая часть поэтов того десятилетия (1913—1920) среди которых имена Г. Адамовича, О. Мандельштама и др. достаточно известны в нашей поэзии» (*Куллэ Р.* Что представляет собою «акмеизм»?» подп. № 13623. «Живая связь» (ответы подписчикам) // Вестник знания. 1927. № 4. С. 251—252). Иногда визитеры в свободный мир сообщали о нем и о Георгии Иванове: «не теряют ни бойкости пера, ни легкости в мыслях» (*Николай В.* Сто пятьдесят дней в Европе. На докладе Льва Никулина // Литературный Ленинград. 1933. 15 августа), и оба последних появлялись на заднем плане мемуаров о «Бродячей собаке»: «Затянутая в черный шелк, с крупным овалом камен у пояса, всплывала Ахматова, задерживаясь у входа, чтобы, по настоянию кидавшегося ей навстречу Пронина, вписать в “свиную” книгу свои последние стихи, по которым простодушные “фармацевты” строили догадки, щекотавшие только их любопытство. В длинном сюртуке и черном регате, не оставлявший без внимания ни одной красивой женщины, отступал, пятясь между столиков, Гумилев, не то соблюдая таким образом придворный этикет, не то опасаясь “кинжального” взора в спину. Лоснясь от бриолина, еще не растекшегося по всему лицу, украдкой целовали Жоржики Адамовичи потные руки Жоржиков Ивановых и сжимали друг другу под столом блудливые колени» (*Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. Л., 1933. С. 261), и ожидаемым образом была осуждена «вся глава, посвященная “Бродячей собаке”, где проходят перед читателем Анна Ахматова с камеей на поясе, осторожный Гумилев, “Жоржики” Ивановы и Адамовичи...» (*Штейнман Э.* Лукавая самокритика // Литературный Ленинград. 1933. 5 сентября).

В советском литературоведческом дискурсе бесслесный разоблачитель акмеистов спаял Адамовича с Ахматовой:

В эпоху войны «оптимизм» буржуазно-дворянской поэзии достиг своего кульминационного пункта. И в эту же эпоху со всей очевидностью была продемонстрирована «непрочность» этого оптимизма. Война, вызвавшая большие социальные

бедствия, давала все меньше и меньше материала для радостного любованья бытием. Идеологи господствующих классов начинают теперь, более чем когда-либо, предчувствовать «страшные сроки». Наиболее остро почувствовала обреченность Анна Ахматова:

Сроки страшные близятся. Скоро
 Станет тесно от свежих могил.
 Ждите глада, и труса, и мора,
 И затменя небесных светил (1914).

Все стихи Ахматовой, посвященные войне, полны таких мрачных предчувствий. И тем не менее Ахматова принимает и благословляет войну, ибо видит в ней выражение интересов своего класса. Она обещает «воину», идущему на фронт, сохранить в памяти «подвиг правый» «до часа смерти», она молится за то, чтобы «туча над темной Россией стала облаком в славе лучей». Она ждет победы над «супостатом»:

Только нашей земли не разделит
 На потеху себе супостат:
 Богородица белый расстелет
 Над скорбями великими плат (1914).

Как видим, и на этот раз у Ахматовой оптимизм и пессимизм оказались неразрывными. Война все яснее и яснее показывает поэтам неприглядную картину «дряхлающей России». Молодой поэт-акмеист Г. Адамович представляет Россию в образе чахоточной старухи «с костылем в слабеющей руке».

Опять, опять лишь реки дождевые
 Польются по широкому стеклу,
 Я под дождем бредущую Россию
 Все тише и тревожнее люблю.
 Как мало нас, что пятна эти знают,
 Чахоточные, на твоей щеке,
 Что гордым посохом не называют
 Костыль в уже слабеющей руке.

Но Г. Адамович, так же как и Ахматова, не поднимается до отрицания этой «чахоточной России», — наоборот, он ее «любит», хотя «все тише» и «тревожнее». Его критика, названная блюстителями патриотической чести поэтов «резкой», на самом деле является дружеской самокритикой, ибо

поэт ощущает кровную боль за судьбу старой, умирающей России. Тесная привязанность Адамовича и Ахматовой к старому миру, узкий идейный горизонт этих поэтов не дали им возможности правильно понять и осмыслить надвигающуюся социальную катастрофу. Они больше чувствовали, нежели думали. От позиции этих поэтов резко отличается позиция Александра Блока... (Волков А. Поэзия русского империализма. М., 1935. С. 202–203)

При этом время от времени подновлялось политическое клеймо: «Как раз в то самое время, когда Гумилев особенно рьяно проповедывал “беспартийность искусства”, он являлся прямым шпионом империализма, участником контрреволюционного таганцевского заговора. Возродившийся в эти годы акмеистический “Цех поэтов”, тоже проповедывавший беспартийность, имел ярко выраженный контрреволюционный характер. Его вожди — Г. Иванов и Г. Адамович — быстро перешли в лагерь белой эмиграции. Из активных деятелей второго акмеистического “Цеха поэтов” только Всеволод Ржешевский, кратковременный попутчик акмеизма, пошел иной дорогой» (Там же. С. 213); ретроспективную бдительность проявлял и друг и соратник Волкова: «один из второстепенных эпигонов акмеизма, типичный “внутренний эмигрант”, вскоре сбежавший за советские рубежи» (Дышниц А. Владимир Маяковский // Звезда. 1940. № 8–9. С. 303). Как знак гибельности беженства автор «Чистилища» возник в послевоенной советской печати:

Эмигрантский поэт Георгий Адамович как-то писал:

Когда мы в Россию вернемся...
Но поздно — окончен уж путь.
Две медных монеты на веки,
Скращенные руки на грудь.

А я все же вернуться успел. Нет, путь не окончен. С твердой верой в это я, как зачарованный, люблюсь громадой Кремля, сжимая пустой портфель, с которым вышел из своей парижской квартиры. У меня нет никакого архива, никаких записок. Но я не стар еще, и в памяти живо все, чему я был свидетелем в жизни (Любимов Л. На чужбине // Новый мир. 1957. № 4. С. 194).

— ср. отзыв Ахматовой об этих мемуарах бывшего сотрудника французской прогитлеровской газеты, а затем — газеты «Советский патриот». «“О собственном разложении он умолчал. Балансирует как на канате”, — сказала А. А., когда мы вошли в ее комнату. “Что мы знаем об эмиграции? Не нашего ума это дело”» (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962. М., 1997. С. 688).

Параллельно угодливому литературоведению портретировала Георгия Адамовича елейная историческая проза — издававшийся неоднократно, начиная с 1939 года, рассказ о Блоке «Чудесный гость», где описывается собрание поэтов в 1920 году:

Первым явились и сели за стол неразлучные Жоржик Иванов, Жоржик Адамович и Николай Оцуп. Иванов, тонкогубый, узкоплечий, жеманный, поигрывал кончиком языка, складывал губы бантиком, и на русскую речь приятелей отвечал на французском, шепелявя и помаргивая. Адамович тщился быть серьезным, академичным, но это ему не удавалось: крохотное, собранное в кулачок лицо напоминало мордочку комнатной собачки, злой и хитрой. <...> У Николая Оцупа и у двух Жоржиков был только один непокупной, свой жест: они все трое затыкали уши пальцами, когда слышали пение революционных песен. Выражение их лиц при этом было страдальчески-брезгливым. Все трое были розовы, нарядно одеты, все трое курили отличные папиросы и с каким-то неподражаемым, завидным шиком целовали руки женщинам. <...> Явился мэтр акмеистов Гумилев, и все Оцупы и Жоржики Ивановы кинулись ему навстречу. <...> Два Жоржика и один Николай спрятали руки в карманы и прошли мимо Блока... (*Борисов Л.* Избранное. Л., 1957. С. 224)

Несмотря на эти экспрессивные напоминания, верно, по-видимому, рисовал картину читательской осведомленности эпохи «оттепели» (за исключением слушателей, прорывавшихся по ночам сквозь глушение) благонадежный советский критик и благожелатель Ахматовой: «Сейчас уже никто не помнит имен Грааля Арельского или Георгия Адамовича» (*Гринберг И.* Вера Инбер. Критико-биографический очерк. М., 1961. С. 12).

После окончания войны Адамович говорил об Ахматовой в парижском докладе «Четыре поэта (Ахматова, Есенин, Маяковский, Мандельштам)» на вечере литературного сборника «Встреча» в Salle des Sociétés Savantes 27 октября 1945 года:

Сам Маяковский, поэт, в значительной мере, трагический, ощущал, как кажется докладчику, неудовлетворенность своим творчеством. В Есенине — им в свое время недооцененном — Г. Адамович отмечает естественность, непосредственность, простоту, роднящую Есенина с Пушкиным. Тема конечного возвращения на родину — мотив блудного сына — является единственной в русской поэзии. Гораздо ближе Г. Адамовичу Анна Ахматова, подлинный поэт, достигающий порой пределов высокого искусства. Чрезвычайно интересны отрывки из последних стихов Ахматовой, появившихся недавно в России и прочитанных Г. Адамовичем на вечере. Последний из «четырех поэтов» — Осип Мандельштам, как правильно отметил лектор, до сих пор недостаточно оценен. (На вечере Г. В. Адамовича: «Четыре поэта» // Русские новости. 1945. 2 ноября)

В автобиблиографии: «Адамович Г. О Поэме без Героя. 1960. США» (С. 212) — выписка из диссертационной библиографии Сэма Драйвера о рецензии Г. В. Адамовича, которую просил написать издатель альманаха «Воздушные пути» Роман Гринберг (*Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Иерусалим, 2014. Т. 1. С. 1, 80) и которая была весьма скоро доставлена Ахматовой:

Идея очень удачна. В самом деле, каковы бы ни были наши здешние расхождения в оценке творчества Пастернака, и в частности его романа, это бесспорно писатель, которым современная русская литература вправе гордиться. Пастернак — один из ее немногих «патентов на благородство», и никаких разногласий тут быть не может. После нобелевской премии, после тягостей и нелепой шумихи, вокруг нее поднявшейся, некий «жест» со стороны эмиграции был желателен и уместен. — Таким «жестом» и явились «Воздушные пути», и приветствовать этот посвященный Пастернаку альманах хочется тем искреннее, что редактором Р. Н. Гринбергом он прекрасно составлен. Да и назван хорошо. Сам Пастернак не предполагал, конечно, что название одного из его давних

рассказов пригодится для зарубежного сборника и получит в нем особый смысл. Но в наших условиях такое название для книги, обращенной «туда», — находка. Досадно только, что в списке авторов нет Б. К. Зайцева, нашего теперешнего патриарха (как ни мало идет вечно юному Борису Константиновичу такой сан!), последнего полномочного представителя былой, большой русской литературы, — и досадно тем более, что, насколько мне известно, Зайцев высоко Пастернака ценит и считает его роман явлением замечательным.

Надеюсь, однако, что никто из представленных в сборнике авторов не будет в претензии, если я скажу, что как бы ни были содержательны их статьи или талантливы их стихи, основное, важнейшее в альманахе, центр тяжести в нем, то, что должно бы обеспечить «Воздушным путям» внимание и распространение — поэма Ахматовой. Написана «Поэма без героя» во время войны и до сих пор известны были из нее лишь небольшие отрывки. Каково первое впечатление от этой вещи? Позволю себе поделиться чувством личным: давно уже не приходилось мне ничего читать с таким волнением, как эти строки и строфы, прерывистые, причудливые, неясные, сбивчивые, полные той звонкой и горестной ахматовской музыки, которой много лет уже не было слышно. Не знаю, не хочу наспех решать, слабее ли эта поэма всего того, чем Ахматова стала русским читателям дорога, или наоборот, это — ее вершина. В поэме несколько другой метод, другой стиль, чем тот, к которому Ахматова нас приучила, и надо с ним освоиться, чтобы впечатление свое окончательно проверить. Прочсть стихи, «просмотреть», «пробежать» их и, повторив их себе вполголоса много раз, тут же приняться мысленно (а тем более в печати) ставить отметки, — то-то, мол, хорошо, а другое плохо, — дело опрометчивое, и опрометчивости этой в русской критике достаточно примеров. Вспомним хотя бы Белинского, усмотревшего в последних, самых прекрасных и зрелых пушкинских стихах упадок таланта! Поэма Ахматовой — во всяком случае — подлинная и высокая поэзия, та, которая при первой встрече с ней увлекает и захватывает слишком сильно, чтобы не отбить охоты рассудочно разбираться в отдельных ее чертах. Не сомневаюсь, что многие найдут ее непонятной, и, судя по замечаниям самой Ахматовой, эти упреки ей уже и были сделаны. Объяснять что-либо она, однако, отказывается. Поэтому и я воздержусь от какого-либо фактического комментария к поэме, да и не все я знаю, а в особенности не все припоминаю из того,

что очевидно легло в ее основу. Есть сейчас в эмиграции человек десять, а, может быть, и того меньше, которые могли бы рассказать о драме, взволновавшей незадолго до войны 1914 года весь литературно-богемный Петербург и связанной с именами О. А. Глебовой-Судейкиной, — «Олечки» для всех ее друзей, — Всеволода Князева, отчасти и М. Кузмина. Эта драма причудливо ожила в ахматовской поэме: посвящения, эпиграфы не оставляют в том сомнения. Поэма возникла из воспоминаний. Да, из воспоминаний: повторяю это слово потому, что в том же альманахе помещена статья Степуна, как всегда у него богатая мыслями, где о воспоминании говорится в тоне скорей пренебрежительном. Память, «чувство связи с прошлым», — нечто важное, высокое, а воспоминание — будто бы удел натур мелких. Степун ссылается на Платона, на Вячеслава Иванова, и все же я решусь ему возразить: не всякое воспоминание ничтожно, не всякое внушено вздохами об исчезнувшем сладком житье-бытье. Да и так ли отчетливо различие между памятью и воспоминанием? Нет ли тут в большинстве случаев игры словами? Ахматова, например, вспоминает дореволюционный Петербург. Думаю, что все, этот Петербург помнящие, связаны круговой порукой, тем, что магически выражено в стихотворении Осипа Мандельштама:

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем...

Даже Алданов, от всех таких настроений отталкивавшийся, почувствовал это, сравнив беспечный и трагический Петербург тех лет с Помпеями, «когда на краю кратера показалась первая струйка вулкана». Это воспоминание неизгладимо, может быть потому, что смутное ощущение обреченности, — не нашей лично, и даже не какого-либо социального класса, а особого жизненного уклада, особой, особенно-хрупкой петербургской культуры, — ощущение это обостряло все человеческие отношения. Мы вовсе не считали, что живем лучше всех других, но нам казалось, что так жить больше никто никогда не будет... Может быть, это и были только иллюзии, — как знать?

Ахматова вызвала к новой жизни тени людей, ей близких, давно уже умерших, и поднялась сквозь эти образы до видения обобщенного. Но вплетается в ее поэму и нечто суровое. Она не хочет быть «такой, какой была когда-то». Она упоминает о каких-то «краснобаях и лжепророках».

О ком именно? Впрочем, эти своенравные, чуть-чуть надменные нотки пробивались у нее и прежде, нечего, значит, удивляться, что теперь они стали слышнее.

Вот строки из последней части поэмы — «Моему городу»:

А не ставший моей могилой,
Ты, гранитный, крошечный, милый,
Побледнел, помертвел, затих,
Разлучение наше мнимо:
Я с тобою неразлучима,
Тень моя на стенах твоих,
Отраженье мое в каналах,
Звук шагов в Эрмитажных залах,
Где со мною мой друг бродил,
И на старом Волковом поле,
Где могу я рыдать на воле
Над безмолвием братских могил.

Должен сделать поправку к тому, что сказано в редакционном предисловии к сборнику: отрывок этот уже промелькнул в печати, и он настолько врезался мне в память, что я знаю его наизусть. Правда, появился он не за подписью автора, а в статье о творчестве Ахматовой, как цитата: статья помещена была не то в «Звезде», не то в «Новом Мире», вскоре после войны, во всяком случае до ждановского окрика. Но цитата отличается от того текста, который напечатан теперь: в ней не было ни упоминания о «друге», ни «братских могил». Если не совсем изменяет мне память, после «эрмитажных зал», текст был таков:

И по гулким сводам мостов,
И на старом Волковом поле,
Где могу я плакать на воле
В чаще новых твоих крестов...

Какая редакция окончательна? В «Воздушных путях» поэма помещена без ведома Ахматовой и, может быть, по сравнительно давней рукописи. С риском оказаться в противоречии с автором я хотел бы сказать, что вариант, мне запомнившийся, был лучше, — потому лучше, что придаточное предложение о «друге» сбивает интонацию. При упоминании о «сводах мостов», с повторяющейся в следующей строчке «и», интонация неуклонно шла вверх, до разрешения своего на Волковом поле, и помимо большой мелодической силы, это давало особое представление о плаче на кладбище, пожалуй,

даже с женственно-русским оттенком: плачет надрываясь, безутешно, «голосит». Может быть, кто-нибудь скажет, что теперь рифмы стали лучше, чем «мостов» и «крестов»? Но это, право, значения не имеет, или если и имеет значение, то третьестепенное (Адамович Г. Подарок Пастернаку. Альманах «Воздушные мосты» <sic!> // Новое русское слово. 1959. 6 декабря).

Несколько пояснений: *Степун* ссылается на Платона —

...учение Платона о памяти, как об основе художественного творчества, о памяти, но не о воспоминании. На глубокую разницу между памятью и воспоминаниями впервые указал Вячеслав Иванов в первых строках своей поэмы «Деревья» —

Ты память, муз вскормившая, свята...
Тебя зову, но не воспоминанья.

Память — это ни что иное, как чувство богатого наследства в своей душе, чувства связи с прошлым. Неся его в себе, люди творческой памяти не требуют его возвращения в жизнь. Память трезва и благодарна. Совсем иное — воспоминания: в них постоянно звучит тема невозвратного прошлого, что явно свидетельствует о желании его вернуть. Они сентиментальны и несправедливы. Большая заслуга Пастернака в том, что в «Докторе Живаго» очень крепка память и совсем нету чувствительных воспоминаний.

Для той части внутри-русской эмиграции, которая принимает живое участие в жизни русской литературы, те реакционно-сентиментальные воспоминания, которыми ослаблено не одно значительное произведение покинувших Россию писателей, не представляет собою ни малейшей опасности. Выросшие в Советском Союзе писатели не могут знать того прошлого, о котором стоило бы вздыхать. Их опасность совсем в другом, в недостаточно сознательном и полном освобождении от идеологических и политических конструкций большевизма, говоря образно, от сожительства в их душах инженера-конструктора и писателя. Такое сожительство неизбежно должно быть пагубным для художественного творчества, особая задача которого заключается ныне, как было показано выше в защите иррациональных глубин жизни от ее искажения рационалистически-утопическим самоуправством (*Степун* Ф. Современность и искусство // Воздушные пути. № 1. Нью-Йорк, 1960. С. 221).

Даже Алданов — в романе Марка Алданова «Ключ» персонаж Браун говорит о Петербурге: «Я хорошо знаю самые разные его круги. Много можно сказать, очень многое, а все же такой удивительной, обаятельной жизни я нигде не видал. Вероятно, никогда больше и не увижу. Да и в истории, думаю, такую жизнь знали немногие поколения. Я порою представляю себе Помпею в ту минуту, когда вдали, над краем кратера показалась первая струя лавы».

О «краснобаях и лжепророках» — предположение об одной возможной кандидатуре в список краснобаев и лжепророков см. в нашей статье «Вячеслав Иванов у Ахматовой: из Именного указателя к “Записным книжкам”» (*Тименчик Р.* Вячеслав Иванов у Ахматовой: из Именного указателя к «Записным книжкам» // Загадка модернизма: Вячеслав Иванов: Материалы XI Международной Ивановской конференции «Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism». The Hebrew University of Jerusalem, May 5–7, 2019. М., 2021. С. 419–420).

Что сказано в редакционном предисловии — «Поэтический триптих Анны Андреевны Ахматовой “Поэма без героя”, — редкое произведение “большой формы” в творчестве одного из первых поэтов России — печатается здесь без ведома автора. Эта поэма, по неизвестной нам причине, нигде раньше не печаталась. Только конец третьей части, Эпилога, был напечатан под названием “Отрывок”, в измененном и сокращенном виде, на 90-й странице “Стихотворений” Анны Ахматовой, изданных в Москве Госиздатом в 1958 году “под общей редакцией А. А. Суркова”. Кроме того, в журнале “Москва” в № 7 от июля 1959 года появился вариант начала третьей главки первой части поэмы» (Воздушные пути. Альманах. Редактор Р. Н. Гринберг. Нью-Йорк, 1960. С. 3–4).

не то в «Звезде», не то в «Новом Мире» — Г. Макогоненко, «Ленинградская тема» (Знамя. 1945. № 1. С. 210–211); отсюда фрагмент «Поэмы» был перепечатан в парижской газете: «Среди поэтов первое место по-прежнему принадлежит Анне Ахматовой. Она обращается к любимому городу: ...А не ставший моей могилой <и т. д.> В чаще новых твоих крестов. Так давно мы не слышали этого единственного в мире, высокого и трагического голоса. Прислушиваемся к нему с волнением. Он стал глуше: не голос, а тень голоса; звуки, доносящиеся из

другого мира» (*Мочульский К.* Стихи о Ленинграде // Русские новости. Париж. 1945. 28 декабря);

Какая редакция окончательна? — ср. разговор о заменах в тексте 3 января 1957 года: «А уж строка “И на гулких дугах мостов” — безусловно утрата. Я спросила: зачем это? — “Мостов” рифмовалось с “крестов”, — сказала Анна Андреевна, — “И на старом Волковом Поле / В чаще новых твоих крестов”. Между тем, на Волковом кладбище никаких крестов во время блокады не ставили» (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962. М., 1997. С. 235–236).

См. запись посетителя от 29 февраля 1960 года:

Ан<на> Андр<еевна> дала мне прочесть отзыв проф. Кембриджского университета Г. Адамовича, о котором она в общем отзывается хорошо в отличие от других «Жоржиков», по поводу ее Поэмы. Отзыв тонкий, хороший. Адамович называет имена гл<авных> действующих лиц — Всеволод Князев и О. А. Глебова-Судейкина. Кроме того, он называет еще Мих. Кузмина. Он говорит о трагическом происшествии 1913 года, взволновавшем весь богемный Петербург (*Глэкин Г.* Что мне дано было... Об Анне Ахматовой / Сост., подгот. текста, вступ. ст., комм. Н. Г. Гончаровой. М., 2015. С. 113);¹

запись Л. К. Чуковской от 27 марта 1960 года: «...показала мне переписанную из какого-то заграничного русского журнала рецензию Адамовича. Не то чтобы крылато — но толково... Вот как! Значит, “потусторонний мир” — “заграница” — существует в действительности, и там обсуждаются русские стихи?» (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 377). 14 октября 1960 года Р. Н. Гринберг, видимо, выслушав рассказ Е. М. Клебановой о встрече с Ахматовой, писал Г. Адамовичу: «Ей понравилась Ваша рецензия о ВП, и она прибавила, что Вы всегда умели ценить ее творчество и что она считает, что Вы очень талантливый человек. С радостью спешу Вам об этом написать!» (Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом. 1943–1967. Вступ. ст., публ. и комм.

¹ *Кембриджский университет* назван вместо Манчестерского.

Р. Янгирова // *Дiaspora: Новые материалы*. Т. 1. Париж-СПб., 2001. С. 531) — Г. Адамович же решил, что Ахматова прямо обращалась к Гринбергу и писал Ю. Иваску: «Получил письмо от Гринберга, вошедшего в издательский азарт и выпускающего вторые “Воздушные пути”. Он в переписке с Ахматовой и, кажется, этим-то и упоен» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску / Публ. Н. А. Богомолова // *Дiaspora V*. Париж-СПб., 2003. С. 222).

Об Адамовиче Ахматова расспрашивала приехавшую из Нью-Йорка бывшую парижанку Евгению Максимовну Клебанову, перевозившую ее тексты Гринбергу (См. о ней: *Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы*. М., Иерусалим, 2014. Т. 1. С. 201–204, 260, 471; Т. 2. С. 302, 372, 576), среди других вопросов насчет молвы об Ахматовой в русском зарубежье: «Ответы <...> 3. Г. Адамович — № 1-ый!?» (С. 116) — имеется в виду фраза Ивана Бунина, которая, вероятно, разошлась по русскому Парижу из его письма к Н. В. Кодрянской от 20 июня 1951 г.: «А лучший критик в эмиграции, в Париже, Адамович» (*Бунин И. Письма к М. В. Карамзиной: 1937–1940* / Предисл. и публ. А. К. Бабореко // *Литературное наследство*. Т. 84. Кн. I. М., 1973. С. 679).

В новый 1961 год приехавший из Парижа Лев Никулин передал Ахматовой привет от Г. Адамовича (*Глэкин Г. Что мне дано было... С. 157*) — возможно, судя по поведению Адамовича в сходных ситуациях в последующем, в том числе и при встрече с самой Ахматовой, он советовался с Л. В. Никулиным, может ли он и в печати ее приветствовать без ущерба для ее советской репутации, после чего завершил обращением к ней мемуар о Мандельштаме — «В “Возд<ушных> п<у>т<а>х” Адамович» (С. 116):

В памяти моей образ Мандельштама неразрывно связан с воспоминанием об Анне Ахматовой. Их имена и должны бы войти рядом в историю русской поэзии. Он ценил ее не меньше, чем она его, — и если бы все это не было давним прошлым, я мог бы многое привести из его суждений и отзывов об ахматовских стихах. Помню собрание «Цеха», на котором Ахматова прочла только что ею написанное

стихотворение «Бесшумно бродили по лому...», вызвав лихорадочно-восторженный монолог Мандельштама в ответ, — к удивлению Ахматовой, признавшей потом, что вовсе не считает эти стихи особенно ей удавшимися. <...> Все это было очень давно, «иных уж нет, а те далече». Но если бы Анне Андреевне попалось когда-нибудь на глаза то, что я сейчас пишу, надеюсь, она уловит между этими строками низкий поклон ей — издалека и без надежды на встречу. (Адамович Г. Несколько слов о Мандельштаме. Воздушные пути. № 2. Нью-Йорк, 1961. С. 101)

Позднее он выступил с очерком об Ахматовой на радио «Свобода»:

Имя Анны Ахматовой стало известно и широко популярно в России больше полувека тому назад. На Западе слава Ахматовой утвердилась много позднее, но в настоящее время стихи ее переведены на большинство европейских языков и написано о ней немало статей. Творчество Ахматовой изучается в университетах. В последние два года о ней настойчиво говорили как об одном из кандидатов на Нобелевскую премию.

Известность Ахматовой можно, следовательно, без натяжки назвать мировой. Гораздо более спорен вопрос о ее влиянии на современную мировую поэзию, и надо сразу подчеркнуть, что спорность эта относится не столько лично к Ахматовой, сколько ко всем русским стихотворцам без исключения. Даже величайшие наши поэты — Пушкин, Лермонтов, Тютчев — оказали на западную поэзию влияние сравнительно слабое, несоизмеримое с их значением и гениальным дарованием. Объясняется это до крайности просто: малой распространенностью русского языка и тем, что по-настоящему оценить поэта можно только читая его в подлиннике.

Мериме в присутствии Виктора Гюго — и к великому его изумлению — назвал Пушкина первым поэтом девятнадцатого века. Но Мериме знал русский язык и лишь благодаря этому проявил редкую по тем временам прозорливость. Разумеется, влияние русской литературы сейчас на Западе огромно, но это — влияние прозаиков, главным образом Толстого и Достоевского. Влияние поэтов очень ограничено, и отрицать это можно лишь при склонности к заведомому искажению фактов. Ахматова или Блок, Пастернак или

Маяковский имеют, конечно, отдельных последователей, учеников, исключительных, страстных почитателей, но именно в порядке исключения.

С Ахматовой дело осложняется еще и тем, что она особенно строго соблюдает логическое развитие стихотворной речи. Профессор парижской Сорбонны Софи Лаффитт в предисловии к сборнику ахматовских стихов пишет, что каждое из этих стихотворений — «маленькая, сжатая, реалистическая драма». Совершенно верно! Верно и то, что Ахматова следует пушкинской традиции, обновляя ее и по-своему ее модернизировав. Но на Западе, у западных поэтов логика сейчас не в почете, и началось это наступление на нее очень давно, чуть ли не сто лет тому назад. Малларме строил большинство своих стихотворений как ребусы; Верлен призывал «свернуть красноречию шею». Мне вспоминается в связи с этим появившаяся года полтора тому назад заметка Клода Мориака об Ахматовой. Клод Мориак (сын знаменитого романиста Франсуа Мориака) — критик, специализировавшийся на такого рода новизне, как «новый роман», пропагандируемый Аленом Роб-Грийе и Натали Сарро, или поэзии, основным свойством которой является то, что при малейшей попытке передать ее своими словами, без поддержки ритма, она превращается в совершенный абсурд. Мориак писал об Ахматовой с подчеркнутым уважением как о большом общепризнанном поэте, однако и со сквозившей между строками растерянностью, будто от бессилия перешагнуть через пропасть, отделяющую ахматовские «маленькие, сжатые драмы» от привычной для него лирики, ускользающей от рассудочного анализа и неизменно украшенной пышными образами. Кстати, достойно внимания, что у Ахматовой образов и метафор крайне мало, в чем с особой очевидностью обнаруживается ее верность Пушкину, его сдержанности и его непогрешимому вкусу.

Было бы интересно коснуться вопроса, так сказать, обратного, противоположного — об иностранных влияниях, испытанных Ахматовой, а заодно и о ее месте в современной поэзии, взятой как нечто единое, независимо от различия языков, школ и направлений. Но это потребовало бы много времени. Вся новая русская лирика, та, которую принято теперь называть поэзией «Серебряного века», выросла и сложилась под влиянием французской послебодлеровской поэзии. Франция в этом смысле взяла реванш над

Англией и Германией, владевших умами наших поэтов в век «золотой» — пушкинский. Ахматова не осталась в стороне от общего увлечения. Да и могло ли быть иначе, если вспомнить, что она долго жила в Париже и, будучи совсем юной, вышла замуж за Гумилева, видевшего во французской новой поэзии высшее достояние современной культуры? Могло ли быть иначе, если она была страстной поклонницей, а отчасти и ученицей Иннокентия Анненского и, — как сама недавно призналась, — «забыла все на свете», читая в гранках посмертный сборник Анненского «Кипарисовый ларец»? Анненский из всех поэтов «Серебряного века» ведь тот, кто французов особенно тонко и верно понял и с неподражаемым своеобразием переложил на свой, глубоко русский лад. Ахматова читала французов с не меньшим, чем он, усердием. Не раз ее сравнивали с Анной де Ноай, самой крупной французской поэтессой последнего времени. Сравнение едва ли основательное. Анна де Ноай гораздо велеречивее, напыщеннее, театральнее Ахматовой и отдаленно схожа с ней, пожалуй, лишь в разработке типично женских напевов и тем. Но и в этом отношении Анна Ахматова ближе другой французской поэтессе, давно скончавшейся, однако до сих пор не забытой — Марселине Деборд-Вальмор, любимице Верлена. Здесь скорее родство, чем влияние: тот же горестный тон, то же отталкивание от внешних эффектов и порой та же острота выражений.

Думаю, не может быть сомнений, что Ахматова — самое крупное женское имя в истории русской поэзии. Замечательно в ее творчестве, однако, то, что, оставшись женщиной, она оказалась способной стать прежде всего человеком, Человеком с прописной буквы, отчего в отношении к ней и неуместно слово «поэтесса». Ахматова — не поэтесса, а поэт, всегда, во всем, о чем бы стихи ее ни говорили. В наше время она — поэт национальный, выразитель своей эпохи, каким был в начале столетия Александр Блок.

Мы, русские, это знаем. Иностранцы об этом догадываются и, догадываясь, все тверже этому верят (*Адамович Г.* О книгах и авторах. Заметки из литературного дневника. Париж, 1967. С. 12–14; речь идет о рецензии на книжку переводов Софии Лаффитт: Mauriac, Claude. Les poesies d'Anna Akhmatova // Figaro. 1959. 18 nov. P. 14; с графиней Анной Матъё де Ноай (1876–1933) Ахматову сравнивал преимущественно Адамович).

С аналогичной беседой он выступил на французском радио 18 декабря 1963 года и скрипт этой «causerie» к концу того месяца передал в Москву Ахматовой (С. 346, 417, 440, 524, 546, 557). Приведем фрагмент его в переводе профессора Сорбонны Норы Букс, любезно исполненном по нашей просьбе:

Парижские хроникеры в наши дни то и дело присуждают некоторым артистам почетное звание «Королевы французского кино» или «французской песни». Говоря об Анне Ахматовой, можно назвать ее «Королевой русской поэзии» и не только потому, что никакая другая женщина-поэт не достигала ранее подобной известности, но по причине того места, которое занимает Ахматова в современном советском литературном мире, того молчаливого уважения, которое окружает ее. Она держится в стороне от будничной суеты, ее имя редко появляется на страницах газет, она не произносит речей и не принимает участия в официальных сборищах, где выслуживаются ее собратья. Разумеется, о ней никогда не заходила речь по поводу присуждения ордена Ленина или какой-то другой почетной советской государственной награды. Но как рассказывал один признанный советский писатель, недавно побывавший в Париже, где бы ни появилась Анна Ахматова, ее принимают как королеву. По причине возраста и слабого здоровья Ахматова сейчас редко бывает на людях, но всегда в окружении молодых поэтов, составляющих ее двор и отдающих ей на суд свои творения. Оценки Ахматовой, обычно малокомплиментарные, обладают большим влиянием.

Свои первые стихи Ахматова опубликовала более пятидесяти лет назад. Тогда она была молодой женщиной, наделенной странной красотой, высокой, очень стройной. В чертах ее лица сквозило что-то трагическое, вдохновившее одного поэта, чьи стихи остались в памяти всех почитателей Ахматовой, написать, что такой он воображал Рашель, играющую Федру. Какое-то время она жила в Париже, стала другом Модильяни, который запечатлел ее в поразительном наброске. В период своего литературного дебюта, Ахматова была замужем за Николаем Гумилевым, главой так называемой акмеистической школы, враждебно настроенной к символизму и проповедующей поэзию, освобожденную от сплывшейся на землю туманности и наслаждающуюся живым реальным миром.

Гумилев, человек необыкновенно одаренный, властный теоретик, безусловно, помог Ахматовой найти свой путь в поэзии. И тем не менее, по сути дела, Ахматова осталась равнодушна и к самой концепции, и особенно к тому жесткому тону, тону завоевателя, победителя, тону радости, который Гумилев стремился привить поэзии акмеизма. Союзничество Ахматовой с Гумилевым в его борьбе с символизмом находило отражение лишь в ее поэтическом словаре и стиле. А ведь именно стиль обеспечил Ахматовой немедленный и устойчивый успех, именно ему подражали, его копировали все молодые русские поэтессы того времени.

Речь идет о приеме, о том художественном приеме, который Ахматова обнаружила инстинктивно.

Для большинства женщин-поэтов, вне связи с их воспитанием и страной рождения, общим источником вдохновения была любовь и особенно несчастная любовь. В этом Ахматова не является исключением. Но там, где другие поэтессы щедро изливают свои чувства, Ахматова ограничивается одной точной деталью, которая красноречивее любых ламентаций. Вот пример.

Одно из ранних ее стихотворений о ссоре, вспыхнувшей во время любовного свидания. «Он и Она». Она бросает ему горькие упреки, но, заметив, что возлюбленный уходит, теряет голову, бежит за ним и кричит: «Уйдешь, я умру». В ответ он улыбается «спокойно и жутко» и сухо роняет: «Не стой на ветру». Этим неожиданным образом сквозняка, контрастирующим с драматизмом ситуации, и заканчивается короткое стихотворение. «Сквозняк» этот был замечен читателями, и о молодой Ахматовой заговорили как об оригинальном поэте.

В начале другого стихотворения аналогичного жанра и также оцененного читателями, Ахматова весьма сдержанно описывает, как героиня спускается по лестнице после разрыва с возлюбленным, и «...на правую руку надела/ Перчатку с левой руки». Деталь, на первый взгляд, ничтожная, но она освобождает поэта от избытка слов в описании смятения.

Мои французские слушатели, и особенно те, кто любит поэзию и следит за путями ее развития, удивятся: почему поэзия Ахматовой еще при жизни автора сделалась легендарной. Ведь это всего-навсего зарифмованные истории, малозначительная интимная хроника, пусть и облеченная в элегантные строфы? — скажут они. И да, и нет, — отвечу я. Чтобы растолковать этот феномен следует вспомнить

о том, что отличает русскую поэзию от западной, а также об отказе русских поэтов отступить от логического развития стихотворной речи, которая противоречит самому понятию поэзии. Это сложный сюжет большой литературы и слишком масштабный, чтобы погрузиться в него сейчас. По сути, он ведет к Пушкину, к его великой рассудочной поэзии, к нему, презиравшему и, пожалуй, даже осуждавшему всяческие грезы, а следом и боязнь практически всех русских поэтов свернуть с пути, начерченного им. Отмечу лишь, что Ахматова больше других стремилась наполнить поэзию, понимаемую ею как магию и созидание, содержанием и деталями повседневной жизни.

Несомненно, она была под сильным влиянием Пушкина. Но наравне с этой значительной фигурой классика следует назвать другую, почти нашего современника, Иннокентия Анненского, автора «Кипарисового ларца». <...> Революция обрушила мир Ахматовой. Гражданская война, неопределенность, страхи, надежды, — все это отразилось в ее поэзии, при этом Ахматова не погрузилась в пафосное красноречие, которого редким поэтам удалось избежать. В ее стихах всегда есть пуант, одна деталь, два-три слова, на которых держится весь текст, и которые делают бессмысленным дальнейшее развитие сюжета. По сути это тот же прием, что и образ сквозняка или перчатки, о котором я говорил выше, продиктованный желанием забыть прежние чувства.

Была ли Ахматова внутренне всегда враждебна режиму? Нет никаких причин утверждать это и, по понятным причинам, нам следует воздержаться от подобных утверждений. Очевидно, что она смогла сохранить свою независимость в сталинский период, а подобных примеров мало. Ее отношение к власти было таким, как и должно быть у национального поэта, которого коммунистическая партия предполагала вдохновить своей мудростью и достижениями во имя народа, и им руководить. Ее Россия колебалась принять навязываемую ей трансформацию в СССР, и лишь гитлеровское нашествие позволило ей идентифицироваться с режимом. Некоторые из патриотических стихов Ахматовой, вдохновленные войной, были с восхищением приняты всей страной и, казалось бы, должны были обеспечить поэту любовь тех, кто до недавнего времени относился к ней с подозрением.

Но едва закончилась война, в 1946 году, над головой Ахматовой раздался удары грома. Жданов, правая рука Сталина, человек примитивный, но вмешивавшийся во все

дела, напечатал свой известный доклад о журнале «Звезда», одном из лучших в стране. Это было обвинение, крайне непримиримое, низкое, изложенное в неслыханных выражениях. Два литератора, сотрудничавших с журналом, были публично и с особой агрессивностью буквально вывалены в грязи, Ахматова и Зощенко, писатель-сатирик, изысканный, разочарованный, печальный, прелестный, безусловно, самый талантливый в своем поколении. Жданов обвинил его в высмеивании советского общества, а Ахматову, — и сделал это с особым жаром, — в буржуазности и неспособности принять идеи счастливой эры сталинизма.

Бессмысленно добавлять, что вся советская пресса немедленно подхватила слова Жданова и принялась обвинять эти две несчастные жертвы во всех грехах. Реакция совершенно предсказуемая и никого не удивившая. Поразительным было, что Ахматова не сломалась, и, вопреки утвердившейся традиции, не принялась бичевать себя. Она замолкла. В течение долгих лет о ней ничего не было слышно. Друзья были обеспокоены ее судьбой и совершенно обоснованно.

Сегодня Сталин и Жданов мертвы. Ахматова пережила их. В свете того, что мы узнали о жизни в СССР, со слов самих его руководителей о ссылках, казнях интеллектуалов, гордое и храброе поведение Анны Ахматовой легло в основу того всеобщего уважения, которое окружает ее сегодня, и о котором я говорил вначале. Несомненно, важной причиной является ее слава великого поэта, аристократизм ее поэзии, гордое достоинство высокой души, которые она отражает, — качества, которые люди привыкли видеть в писателях, наделенных талантом...

Ср. запись посетителя 26 декабря 1963 года: «Георг. Адамович прислал ей текст своего восторженного выступления о ней по парижскому радио. Человек, привезший ей текст беседы Адамовича и книгу, оставил ей и записку Адамовича о том, что он просит, если адресат увидит Ахматову, передать ей, что на Западе все ею восхищаются. Письмо русского к русскому на прекрасном французском языке... Анна Андр. говорит: “Боже мой, как это грустно!”» (*Глёкин Г.* Что мне дано было... С. 227). 28 декабря 1963 года Ахматова показала Чуковской

...короткую записочку Адамовича. Я французского не знаю, и что за записка, кому записка — не поняла. Спросила.

— Это не существенно, — ответила Анна Андреевна. — Не важно, что и кому. Но вы подумайте: один русский человек пишет другому русскому человеку по-французски! Вас это не удивляет?

Затем показала статью Адамовича, передававшуюся по французскому радио. Статья о ней. Я спросила, хорошая ли?

— Большого вранья нет. Но вообще никакая.

Перевела отрывок. «Ахматову чтут в России за ее бесстрашие в сталинские времена. Конечно, в этом уважении играет роль и то, что она великий поэт».

«Играет роль и то...» Да ведь бесстрашие Ахматовой, главным образом, в поэзии, в великой поэзии и выразилось. Это и есть для поэта самое выразительное мужество.

Затем между мною и ею повторился диалог, повторявшийся уже не раз. «Какое же бесстрашие, когда я только и делала, что боялась? Я боялась больше всех». — «Да, вы боялись больше всех, потому что понимали больше всех. Но, одолев страх, написали “Реквием” и многое другое» (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. 1963–1966. М., 1997. С. 131–132).

О содержании записки Адамовича см. разговор с Ахматовой 20 июня 1964 года: «...говорим об эмигрантах-поэтах. Мягче всего А. А. отзывается об Адамовиче, который еще жив и иногда выступает по Би-би-си. Он как-то произнес целую речь об А. А. и потом прислал ей текст, извиняясь, что там было больше об Анненском, чем об А. А. На это А. А. сказала: “Ну, что ж, я рада, если я дала поговорить об Анненском”» (*Гладков А.* «Я не признаю историю без подробностей...» (Из дневниковых записей 1945–1973) / Предисл. и публ. С. Шумихина // *In Memoriam. Исторический сборник памяти А. И. Добкина.* СПб.; Париж, 2000. С. 564).

Виртуальный диалог («...если бы Анне Андреевне попалося когда-нибудь на глаза...») продолжился в 1962 году: «Вернуть, однако, к явлению, которое Чуковский метко называет “канцеляритом”. Недавно в “Новом мире” была помещена короткая заметка, подписанная четырьмя именами, в том числе Анной Ахматовой. В заметке этой, касающейся новых сведений о гибели Пушкина, указано, что “светская чернь целеустремленно преследовала поэта”. Целеустремленно! Более чем вероятно, что не сама Ахматова заметку писала, но

неужели не поморщилась она, ее подписывая?» (*Адамович Г.* Литература и жизнь // Русская мысль. 1962. 25 октября; о письме в редакцию в защиту публикации Э. Г. Герштейн «Вокруг гибели Пушкина»: *Ахматова А., Иванов Вс., Бонди С., Маршак С.* В редакцию «Нового мира» // Новый мир. 1962. № 7. С. 286). И перешел в полнзвучный по появлению «Реквиема» в конце 1963 года:

При чтении «Реквиема» вспоминаются фетовские слова о небольшой книжке «томов премногих тяжелей». Замечательна эта книжка в двойном смысле: и как литературное произведение, то есть как стихи, и как документ, относящийся к одной из самых темных в истории России эпох. Двойственность впечатления однако исчезает, едва почувствуешь, что будь стихи Ахматовой не так остры, не так убедительны, их идейное и моральное содержание, в общих чертах знакомое, не казалось бы открытием, и наоборот, если бы стихи говорили о другом, то не вызвали бы отклика, выходящего далеко за пределы эстетического и художественного удовлетворения. О большевизме, о сталинском его периоде, о русской революции вообще, написаны сотни исследований. Каждому из нас приходилось подолгу думать обо всем, что произошло в России, — или вернее, что произошло с Россией, — в последние полвека. Однако особенность поэтического подхода к событиям и явлениям в том и состоит, что о них как будто впервые узнаешь. Впервые, и во всяком случае по-новому, иначе, чем прежде, ужасаешься тому, о чем давно знал. Одно незаменимо-четкое слово, одна интонация, безошибочно точно соответствующая продиктованному ее чувству, и читателя будто кто-то берет за плечи, встряхивает, будит, заставляет с неотвязной настойчивостью спросить себя: как же могло все это случиться? <...> О стихах «как таковых», поговорить следовало бы особо. Но «Реквием» — книга не располагающая к оценке формальной и к критическому разбору обычного склада. Есть в этой книге строчки, которых не мог бы написать в наши дни никто, кроме Ахматовой, — да, пожалуй, не только в наши дни, а со смерти Блока. Но само собой, при первом чтении, вклад в русскую историю заслуживает значение «Реквиема» для русской поэзии, и пройдет не мало времени, прежде чем одно удастся отделить от другого (*Адамович Г.* На полях 'Реквиема' Анны Ахматовой // Мосты. № 11. Мюнхен, 1965. С. 206, 210).

В июне 1965 года у них появилась возможность продолжить прервавшиеся за 43 года до того разговоры.

8 сентября 1965 года Адамович писал Игорю Чиннову: «Вы, верно, знаете, что в Париже была Ахматова. Я ее долго видел, много говорил. Ее все теперь считают не то что умной, а “мудрой”, “сверхумной” (это мне говорил Л. Никулин). Едва ли это так. Но “что-то” в ней есть, даже в разговоре, чего в Ход<асевиче> не было и в помине» (Письма Г. В. Адамовича И. В. Чиннову (1952–1972) / Публ. О. А. Коростелева // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 243). Об этих встречах он рассказал советскому журналисту Аркадию Ваксбергу, уточнив некоторые детали мемуара «Мои встречи с Анной Ахматовой»:

Я оценил то исключение, которое она сделала для меня. Тем более, что она дважды сочла необходимым сказать: «Я знала, что вы всегда не любили Гумилева».<...> Было заметно: если Ахматова с чем-то не согласна, или что-то ее раздражает, или предмет разговора не интересует ее, то молчит. Полемики избегала. Бродского считала лучшим по-этом. Боюсь судить, возможно... Я читал Бродского, Кушнера, Соснору. Это очень значительно, очень, в этом нет никакого сомнения... И все из Петербурга. Как странно, не правда ли? Нарождается мощная поэзия. Дадут ли ей развернуться? Ахматова сказала: «Вот мне же не давали. И что из этого вышло?» Я подтвердил: «Вышло неплохо». «Благодарю вас», — надменно произнесла Ахматова.

Я высоко ценю Евтушенко и Вознесенского, признался ей в этом. Ахматова не оспаривала их талант, но сказала, что рядом с Бродским таких поэтов как бы и нет. Вообще? Почти... «Эстрада не поэзия», — сказала она. — Это другой жанр». Я возразил, кажется, более резко, чем следовало. Она опять промолчала. Зато, когда я называл другие имена, она не молчала. Очень талантлива Алигер. Я считаю Алигер очень талантливой и сказал об этом. Сказал еще, что прекрасны стихи Новеллы Матвеевой. Никакой иронии у Ахматовой я не заметил. Она не восторгалась этими поэтами, но согласно кивала. Восторгалась она только Бродским.

Конечно, ее заслуга огромна — в том, что осталась в России, со своим народом. Кажется, это ее слова из поэмы. Да, да... Но зачем этот вызов, эта гордость? А те, кто

не остался, — так уж ли они не правы? И объективно, и субъективно? В чем их вина? Перед кем? Дело даже не в том, что многие, не уехав, просто погибли бы в тридцатые годы. Но и выжив, они не сказали бы многого. Голос русской мысли — философской, научной, художественной — просто не был бы услышан. Нет, не так: он вообще не прозвучал бы.

Я это ей сказал, но не резко, очень мягко и деликатно. В том смысле, что каждый на своем месте сделал то, что мог. Когда мы уже прощались, она, видимо, вспомнила эти мои слова... По-моему, она их все время держала в голове и ждала повода, чтобы ответить. Без подробностей, но так, чтобы сразить... Когда мы прощались, она мне сказала: «Все, что может человек испытать, все выпало на мою долю». И мои возражения как-то сразу потеряли смысл, Я почувствовал, что вообще не вправе с ней спорить. И что наши эмигрантские драмы не могут сравниться с той, которую пережила Ахматова. И еще многие другие. (*Ваксберг А. Моя жизнь в жизни. Т. 1. М., 1998. С. 368–371*)

Слова Ахматовой об Адамовиче по возвращении в Москву: «В Париже виделась с Г. Адамовичем, который произвел на нее очень хорошее впечатление. Умен, не озлоблен, все понимает» (*Оксман Ю. Г. Из дневника, которого не веду // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. Комм. А. В. Курт и К. М. Поливанова. М., 1991. С. 646*). 27 июня 1965 года за ней записано: «Очень жалостное впечатление от встречи со старыми товарищами. Георг Адамович — один из трех “жоржиков” — очень старый и больной. “Но сейчас он опять на работе — читает в Оксфорде лекции по русской литературе”. “Но все это так страшно, так страшно. Что может дать им Адамович? Подумайте, полувековая разлука!”» (*Глэкин Г. Что мне дано было... С. 246; по поводу лекций в Оксфорде — какая-то неточность*).

Имя Адамовича всплыло в жизни Ахматовой в Ленинграде в июле 1965 года. Об этом дважды сообщал не очень надежный мемуарист:

Как-то в Публичной библиотеке мне попала в руки книга «Комментарии» Георгия Адамовича, одного из убежавших из России литераторов и потом всю жизнь писавшего о ней гадости. Я думал: может быть, Anne Андреевне будет интересно

узнать, что тот пишет о когда-то близких ей людях. Она гордо повела головой и после некоторого молчания спросила:

— Это какой Адамович? Тот, по поводу которого Блок сказал: «Очень плохие стихи»?

И стало ясно: ей ничего не хочется знать об отщепенце» (*Хренков Д.* День за днем. Лирический дневник критика. Л., 1984. С. 51); книгу «Комментарии» в отделе спецхранения при жизни Ахматовой увидеть было невозможно — она вышла в 1967 г.; в другой раз тот же мемуарист вложил запомнившуюся фразу (что более правдоподобно) в уста Георгия Михайловича Воронцова-Вельяминова, праправнука А. С. Пушкина в эпизоде в такси 22 июля 1965 г.: «В такси гость неожиданно спросил Анну Андреевну, знакома ли ей книга воспоминаний Георгия Адамовича, вышедшая не то в США, не то во Франции.

— Это какой Адамович? — не поворотив головы к собеседнику, ледяным тоном спросила Ахматова, — Не тот ли, про которого Блок сказал, что он пишет очень плохие стихи?

Надо было слышать, как это было сказано! Мне показалось, что гость наш буквально сжался (*Хренков Д.* Из «Заметок для памяти» // Звезда. 1987. № 4. С. 182; никакой книги воспоминаний Адамовича не выходило).

Последнее упоминание в «Записных книжках» — 15 сентября 1965 г.: «Уже был [Е. С.] Добин. Показала ему “Р<усскую?> м<ысль?>”, где “отличается” Адамович. Он был со мной во всем согласен» (С. 668). Убедительной интерпретации записи у нас нет; как предположение мы выдвинули, что это реакция на заметку о двух вариантах стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...» (*Адамович Г.* Литература и жизнь // Русская Мысль. 1965. 7 августа), в которой шла речь о благотворности цензурных ограничений (*Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. Т. 2. С. 271).

Фраза, сопровождающая список избранной библиографии публикаций Адамовича об Ахматовой: «...он весьма (!) скептически оценивал личные качества (!) и творческие способности (!) поэтессы», по-видимому, попала сюда по ошибке наборщика из другого примечания, как явствует из ряда вышеприведенных нами цитат (*Голлербах Е. А.* К истории русской зарубежной литературы. Материалы из архива

епископа Иоанна Сан-Францисского (Д. А. Шаховского). I. Переписка с Г. А. Адамовичем. II. Переписка с В. Ф. Перелешиным // *Russian Studies*. Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1996. Т. II. № 2. С. 281–282).

По нуждающимся в уточнениях сведениям, собрание М. И. Чуванова содержало инскрипт Адамовичу, вероятно, на сборнике «Четки».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анна Ахматова. Pro et contra. Антология. Т. I. / Сост. Св. Коваленко. СПб., 2001. Т. I.
2. Богомолов Н. Из околоакмеистических россыпей // *Toronto Slavic Quarterly*. 2005. Vol. 14.
3. Богомолов Н. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004.
4. Вейдле В. В. Россия. Революция. Религия // *Русская литература*. 1996. № 1. С. 86–128.
5. Глёткин Г. Что мне дано было... Об Анне Ахматовой. Сост., подгот. текста, вступ. ст., комм. Н. Г. Гончаровой. М., 2015.
6. Голлербах Е. А. К истории русской зарубежной литературы. Материалы из архива епископа Иоанна Сан-Францисского (Д. А. Шаховского). I. Переписка с Г. А. Адамовичем. II. Переписка с В. Ф. Перелешиным // *Russian Studies*. Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1996. Т. II. № 2. С. 231–320.
7. Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. Пер. с нем. Е. Варгафтик и И. Бурихин. Лондон, 1988.
8. Лукницкая В. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990.
9. Лукницкий П. Н. Труды и дни Н. С. Гумилева. СПб., 2010.
10. Мец А. Г. Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. Издание 4-е, исправленное и дополненное. СПб., 2022.
11. Налегач Н. В. Анна Ахматова и «парижская нота»: к вопросу о поэтическом влиянии // *Известия Уральского федерального университета*. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 24–35.
12. Степанов Е. Е. Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия 1886–1921: В 3 т. Т. II. 1914–1921. М., 2019.
13. Степанов Е. Е. Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия 1886–1921: В 3 т. Т. III. Дополнения. Указатели. Летопись жизни в иллюстрациях. М., 2020.

14. *Тименчик Р.* Ангелы. Люди. Вещи: В ореоле стихов и друзей. М.; Иерусалим, 2016.
15. *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Цех Поэтов // Летняя школа по русской литературе. 2022. Т. 18. № 2. С. 157–206.
16. *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Иерусалим, 2014. Т. 1, 2.
17. *Setchkarev V.* Studies in the Life and Work of Innokentij Annenskij. Hague, 1963.
18. *Superfin G., Timenčik R.* À propos de deux lettres de A. A. Ahmatova à V. Brjusov // Cahiers du Monde russe et soviétique. Paris, 1974. Vol. 15. № 1–2. P. 183–200.

REFERENCES

1. Anna Ahmatova. Pro et contra. Antologiya. T. I. / Sost. Sv. Kovalenko. SPb., 2001. (In Russ.)
2. *Bogomolov N.* Iz okoloakmeisticheskikh rossypej // Toronto Slavic Quarterly. 2005. Vol. 14. (In Russ.)
3. *Bogomolov N.* Ot Pushkina do Kibirova. Stat'i o russkoj literature, preimushchestvenno o poezii. M., 2004. (In Russ.)
4. *Glyokin G.* Chto mne dano bylo... Ob Anne Ahmatovoj. Sost., podgot. teksta, vstup. st., komm. N. G. Goncharovoj. M., 2015. (In Russ.)
5. *Gollerbah E. A.* K istorii russkoj zarubezhnoj literatury. Materialy iz arhiva episkopa Ioanna San-Francissskogo (D. A. SHahovskogo). I. Perepiska s G. A. Adamovichem. II. Perepiska s V. F. Pereleshinym // Russian Studies. Ezhekvartal'nik russkoj filologii i kul'tury. 1996. T. II. № 2. S. 231–320. (In Russ.)
6. *Kazak V.* Enciklopedicheskij slovar' russkoj literatury s 1917 goda. Per. s nem. E. Vargaftik i I. Burihin. London, 1988. (In Russ.)
7. *Luknickaya V.* Nikolaj Gumilev. Zhizn' poeta po materialam domashnego arhiva sem'i Luknickih. L., 1990. (In Russ.)
8. *Luknickij P. N.* Trudy i dni N. S. Gumileva. SPb., 2010. (In Russ.)
9. *Mec A. G.* Letopis' zhizni i tvorchestva O. E. Mandel'shtama. Izdanie 4-e, ispravlennoe i dopolnennoe. SPb., 2022.
10. *Nalegach N. V.* Anna Ahmatova i «parizhskaya nota»: k voprosu o poeticheskom vliyanii / Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. 2019. T. 21. № 3 (190). S. 24–35. (In Russ.)
11. *Setchkarev V.* Studies in the Life and Work of Innokentij Annenskij. Hague, 1963. (In Russ.)
12. *Stepanov E. E.* Letopis' zhizni Nikolaya Gumileva na fone ego polnogo epistolyarnogo naslediya 1886–1921: V 3 t. T. II. 1914–1921. M., 2019.

13. *Stepanov E. E.* Letopis' zhizni Nikolaya Gumileva na fone ego polnogo epistolyarnogo naslediya 1886–1921: V 3 t. T. III. Dopolneniya. Ukazateli. Letopis' zhizni v illyustraciyah. M., 2020. (In Russ.)
14. *Superfin G., Timenčik R.* À propos de deux lettres de A. A. Ahmatova à V. Brjusov // Cahiers du Monde russe et soviétique. Paris, 1974. Vol. 15. № 1–2. P. 183–200.
15. *Timenchik R.* Angely. Lyudi. Veshchi: V oreole stihov i družej. M.; Ierusalim, 2016. (In Russ.)
16. *Timenchik R.* Iz Imennogo ukazatelya k «Zapisnym knizhkam» Ahmatovoj: Cekh Poetov // Letnyaya shkola po russkoj literature. 2022. T. 18. № 2. S. 157–206. (In Russ.)
17. *Timenchik R.* Poslednij poet. Anna Ahmatova v 1960-e gody. M.; Ierusalim, 2014. T. 1, 2. (In Russ.)
18. *Vejdle V. V.* Rossiya. Revolyuciya. Religiya // Russkaya literatura. 1996. № 1. S. 86–128. (In Russ.)